

Эх, сколько видано,
Эх, перевидано,
После плавания
В тихой гавани
Вспомнить будет о чём.
И Шаферан

МОРСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ

Помимо сухопутных (по рекам, горам и вулканам), я участвовал (обычно организовывал и руководил) многочисленными экспедициями, связанными с преодолением больших водных пространств: океанов, морей, озёр. Работы велись в Белом, Баренцевом, Чёрном, Азовском, Мраморном, Эгейском и Каспийском морях, в зонах смешения вод Атлантического и Индийского океанов, на озёрах Байкал, Иссык-Куль, Телецкое озеро, Цимлянское водохранилище.

Экспедиции были двух типов: при финансовой поддержке государства (СССР) и частные, за нас счёт, с частичной поддержкой других лиц, или организаций. В данном разделе описаны морские экспедиции (радиоэкологические практики), осуществляемые в рамках учебного процесса кафедры радиохимии химического факультета МГУ.

А в открытом океане негде
прятаться в кусты
Ю.Ким

Экспедиции МГУ

1) 1980

Экспедиция на НИС «Эксперимент»: Чёрное, Азовское и Каспийское моря. Маршрут: Севастополь – Ялта – Судак – Кара-Даг – Керчь – устье Кубани – Жданов (ныне Мариуполь) – Ростов-на-Дону – р. Дон – Волго-Донской канал – р. Волга – Астрахань – Шевченко (Ак-Тау) – Кара-Богаз-Гол – Махачкала. Кроме меня, участвовали В.П. Овчаренко, К.В. Похолок и радиоинженер. В должности женщины Ольга. В начале экспедиции начальником был Овчаренко, потом я. Размещение большого количества барахла в купе. Осмотр Севастополя: бухты (северная и южная), Панорама, 4-Бастион, Малахов курган, Графская пристань. Знакомство с НИС "Эксперимент". Размещение, монтаж и испытание радиометрических установок. Починка аппаратуры. Первые шторма, морские болезни. Душный кубрик на четверых на баке. Спаивание кэпа в Темрюке, подводные грязевые вулканы вблизи станицы Голубицкая, жуткий шторм на Азовском море, чуть нас не потопивший. Спасение в Жданове. Мы тараним ж/д мост близ Ростова на Дону. "Не надо нам экспериментов!" Морской отдел заказал солярку на МТС, в 20 км от берега.

Смена руководства экспедиции. На Цимлянском водохранилище в полном водолазном снаряжении пытаюсь добыть раков. Безуспешно. Волга, Ахтуба и рыба. Поиски кафе в Астрахани. Бухта Бекоева-Черкесского на Каспийском море - невероятное количество раков. Пива нет. Город Шевченко), порт Актау.

Актау (Шевченко).

Шевченко - город промышленный, тут работает мощный горнодобывающий и перерабатывающий комплекс. Урановую руду добывают неподалёку в огромном и глубоком карьере. На азото-туковом и сернокислотном заводах производятся химические реагенты. Пресной воды нет, её получают на опреснителях при реакторе на быстрых нейтронах (БН-350), который заодно снабжает город теплом и энергией. Для радиохимика здесь рай: радиоактивности много и она разнообразна. Реактор выпускает криптон и другие радиоактивные газы, которые проявляют себя аж на другой стороне Каспия. Со стороны карьера город накрывает пудра оксидов урана. Из Кара-Богаз-Гола долетает радий и радон. Есть нам где разгуляться, есть. Говорят, в регионе обнаружены нефть и газ. Не знаю, не видел. Маяк расположен на крыше жилого дома. Нигде в мире такого нет!

Залив Кара-Богаз-Гол.

Дербент - Махачкала - Гуниб. Состав

Направил "Эксперимент" к заливу Кара-Богаз-Гол (чёрная пасть - отбирает воду из Каспия). Долго искали начало протоки, соединяющей залив с морем. Нашли, поставили пароход на якорь, а сами на катере направились к берегу. Еле высадились: волна и сильный прибой. Довольно широкая протока (метров 200) оказалась быстрой и буйной рекой, даже водопад есть. Вода в ней почему-то красного цвета. Посреди русла ржавеет буксир. Как он туда попал?! В заливе синяя вода соединена с синим небом. Белые горы соли, как снег и айсберги. Вода плотная, чрезвычайно солёная (310 ‰), содержит слабительное, все раны разъедает. Огромные монокристаллы под водой, как тысячи алмазов. Чудо света. Есть комбинат, добывающий мирабилит (глауберова соль $\text{Na}_2\text{SO}_4 \cdot 10\text{H}_2\text{O}$). Много радия и радона. Вновь пересекли Каспий. Из Махачкалы отправились в Москву поездом.

Высадиться в районе Кара-Богаз-Гола было трудно.

На протоке, соединяющей залив с Каспием, был водопад.

2) 1981

Каспийская морская экспедиция (НИС «Эксперимент») в конце мая (полтора месяца): Махачкала – Шевченко – Кара-Богаз-Гол – Красноводск – Ленкорань – Баку - банка Макарова – знакомство с Махачкалой, охрана дамы, борьба за свободный вход женщины в порт и выход из него. В городе хороший музей, картины из Эрмитажа, слава Шамилю. Базар, торговля за бараньи шкуры и ковры. Чай в прикуску. Переход через Каспий в Шевченко.

Драки и поножовщина местных в порту. Поход на залив Кара-Богаз-Гол, уточнение прошлых радиометрических данных. Красноводск, гигантский фонтан слёз, за городом сразу холмы, перед ними - стаи полудиких собак, лай и вой (сцена из "Джура").

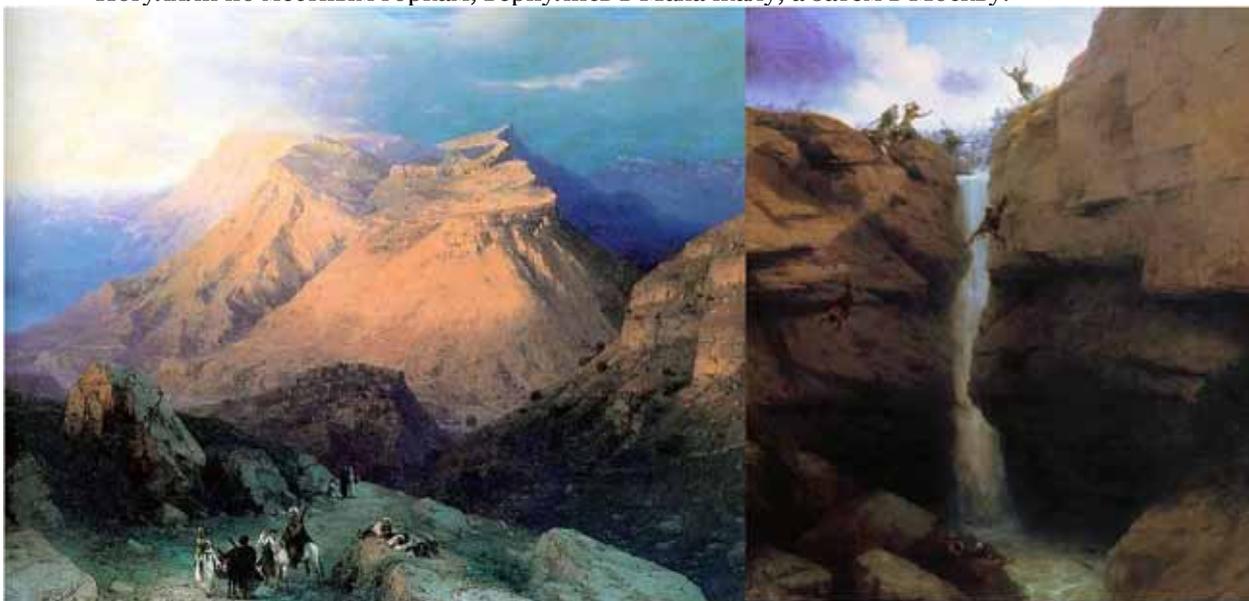
В Красноводске затарились то ли плохой водой, то ли некондиционными продуктами, у всех - дизентерия, похожая на брюшной тиф. Переход через Каспий в Ленкорань. Особенности менталитета курдов. Из-за детей получаю мощный порез живота и груди. Попытка ловли осетров промысловой сетью. Эксперимент встаёт на дыбы, осетры, однако, нет. Банка Макарова (Бахар-дениз, Апшеронский архипелаг) грязевой вулкан (в 1957 образовал остров, который тут же размыло), бьют подводные грифоны, интенсивный поток метана, есть и радон, вода образует купол. Дербент (закрытые врата - персидская крепость, когда-то закрывала каспийский проход). Посещение крепости Нарын-Кала.

Залив Кара-Богаз-Гол.

Махачкала, знакомство с родственниками Овчаренко, нам дают машину и мы едем в Гуниб. Опасная горная дорога по ущелью с рекой. На отдельных скалах теснятся сакли; в селениях - разные народности, религии, языки, менталитет, ремёсла. Горы, как бы распилены пилой: река, за ней высокая ровная стена, по ней идёт дорога, местами просто приставлена к стене и держится на консолях, пожалуй,

самая опасная дорога по которой мне пришлось перемещаться. Живыми взобрались на Гунибское плато (172 км к юго-западу от Махачкалы, высота 1500 м). Село это - русская инициатива. Оно возникло в 1862 при строительстве военного укрепления, получившего название по бывшему аулу Гуниб (*стог сена*), который располагался на вершине плато, и был разрушен в 1859. В этой крепости родилась писательница О.Д.Форш, которая описала здешние места в романе "Одежды камнем". Природная крепость Гуниба являлась последним оплотом имама Шамиля, была взята 25.08.1959 русскими войсками под командованием А.И. Барятинского. Осадные работы велись под руководством Э.Ф.Кеслера. Устраивались позиции для артиллерии и пехоты, готовились лестницы и верёвки для передовых штурмовых команд. Здесь был пленён Шамиль с сыновьями, после чего Кавказская война практически закончилась. Крепость производит странное впечатление: китайская стена скачет по горам, на какой стороне свои - не поймёшь. Местная учительница водила нас по Гунибу. Симпатичный посёлок, есть речка, водопадом падающая в долину. Берега у неё отвесные, здесь в пещерах жили мюриды Шамиля.

Погуляли по местным горкам, вернулись в Махачкалу, а затем в Москву.

Гуниб на картинах И.К. Айвазовского. Водопад сохранился и мы его посетили.

Дорога на Гуниб идёт по отвесной скале.

1982

Морская экспедиция на НИС: Азовское, Чёрное и Каспийское моря, НИС «Эксперимент». Маршрут: Ростов на Дону - Керченский пролив – Керчь – Геленджик – Поты и обратно вдоль кавказского побережья (Сочи)– Ростов на Дону - Волгодонск - Астрахань - Махачкала. Традиционный состав, включая Ольгу. Мне досталась замечательная каюта, вся в коврах, с радиолой, холодильником и электронной музыкой на полке, падающей на меня во время шторма. Пароход ждал нас не в самом Ростове на Дону, а ниже, в станице Нижнегниловской, вполне оправдывающей своё название. Спустились по Дону и, никуда не заходя, пошли в Керченский пролив. Трясло, но не сильно. Дальше двинулись на юг Чёрного моря кавказского берега: Темрюк, Анапа, Геленджик - Поты. Радиоактивность мерили на всём пути подкилевым (вода) и мачтовым (воздух) детекторами. В устьях рек брали пробы воды и измеряли радиоактивность в лаборатории многоканальным спектрометром (защита детектора - пуд свинцовой дроби). В бухте Геленджика стояли на рейде, мы с Овчаренко поплыли на берег, где поразмялись и попили пивка. Когда плыли обратно, нас догнали спасатели, посадили в катер, и вернули на берег. Обругали: за буйки заплывать нельзя. Пришлось ждать ночи и плыть тихо, как на разведку. Зашли в Сочи, погулял по курорту, вспомнил детство-отрочество, как я тут с матерью отдыхал и купался. Здесь живут родственники, но я к ним не пошёл. Вновь пересекли Азовское море и пришвартовались в Нижнегниловской.

Село Гуниб.

Одеты камнем (О.Форш)

Оказалось, что дальше двигаться не можем: МГУ не заплатил за солярку, а капитан (*мастер*) и старпом (*чиф*) - морские волки, но не имеют право ходить по рекам. Команда массово ловила рыбу, а мне, как начальнику экспедиции, пришлось бегать по разным ведомствам в Ростове, переговариваться с Москвой (можно было только с почты) и слать телеграммы с проклятиями. Забежал на базар, купил и попробовал рыба. Посетил семью Миши, племянника Иды. Ночью шёл от автобуса к реке, путь преградил высокий забор, почти стена, полез на неё, но это оказалась стена знаменитой ростовской тюрьмы. Охрана меня ссадила, но не убила. Наверно, я не один такой. Могли бы фонари повесить и надписи предупреждающие сделать! Простояли дней десять (великое ростовское сидение), солярка нашлась, а лоцманом пошёл сам начальник первого отдела пароходства: "я здесь все мели знаю - вот первая!" Пароход лёг набок, аккуратно, когда мы пили какао. Никогда больше, ни в какой экспедиции не разрешал я пить какао: плохая примета.

По каналу шли без лоцмана и бодались со стенками шлюзов. "Брось им конец, они не управляемы". Посетили Волгодонск, но на Атоммаш, выпускающий атомные реакторы, не пошли. Удивило большое число пьяных и приبلатнённых на улицах. Всё же город режимный. На канале протаранили самоходную баржу Волга-Дон. Я совершил подвиг: спас бутылку вина, которая при ударе пыталась вырваться из холодильника. Спустились по Волге, Астрахань прошли не останавливаясь. По Волге плыли мёртвые осетры (браконьеры ловят, извлекают чёрную икру и выбрасывают), на них сидели вороны. Поскольку долго простояли в Ростове, времени на работу на Каспии не осталась. Пришли в Махачкалу, передали пароход физикам и отправились в Москву.

4) 1983

Каспийская экспедиция: Махачкала-Шевченко-Кара-Богаз-Гол-Красноводск-Баку-Ленкорань-Баку-Махачкала. Участники те же, Ольга и Сергей Синьков.

Из Махачкалы пошли по следу радиоактивных выбросов реактора в Шевченко (кстати, почему так город называется? Тарас Шевченко здесь никогда не был, он служил в Форте Шевченко, довольно далеко на севере Каспия). Вновь прибыли в Кара-Богаз-Гол. И поразились изменениям, происшедшим с заливом, который теперь не залив, а озеро. Одному не в меру активному индивиду, с уровнем мышления орангутанга пришла, однажды пришла в голову идея, предотвратить обмеление Каспийского моря путём затыкания чёртовой пасти. Построили дамбу и превратили залив в озеро. Только пока согласовывали проект и трудились, уровень Каспия начал быстро повышаться, затопляя побережья и порты. (Событие ожидаемое всеми (циклы колебаний уровня Каспия хорошо известны), кроме нашего Орангутанга). Речка высохла. Шли по пустыне, перпендикулярно барханам, встречая и общаясь с верблюдами. Людей нет. Вода практически исчезла. Всё пространство покрыто песком, в воздухе - пыль мирабилита (долетает до Баку и уничтожает виноградники). Промышленно производство остановлено. Чудо природы уничтожено.

Послушайте совета, ребята: немедленно взорвите дамбу!

Кара-Богаз-Гол представлял собой жалкое зрелище.

Далее шли по уже отработанному маршруту: Красноводск - Ленкорань - Баку. Радиометрия подводных грязевых вулканов. В Баку пришвартовались прямо у Девичьей Башни, в местном Университете раздобыли жидкий азот, необходимый нам для спектрометра высокого разрешения. Побродили по дворцу Ширваншахов, по Старому городу и Бакинской крепости, наблюдали за работой качалок (нефтедобыча прямо во

дворах жилых домов), посетили храм огнепоклонников Атешгях (30 км от Баку). Снова пошли в Ленкорань. Там вновь отличился сын нашего декана (он много доставал нам хлопот, но максимум - в Ленкорани, молодой мастер спорта, недавно окончивший химфак МГУ; ничто не предвещало, что он скоро сопьётся, умрет, и труп его пролежит несколько дней в квартире). Местная власть приняла нас за инспекцию. Нам с моторного катера бросили взятку - большого осетра. Мы, правда уже и так уходили, подняли якоря и вырливали из порта. Но всё равно спасибо! Хорошо пошёл. Ещё кратковременно зашли в Баку и вернулись в Махачкалу. Там нашего старпома арестовали и посадили за незаконную ловлю осетров (он правда попутно дал по морде и сбросил в море рыбинспектора). Мы его выкупили из тюрьмы. Старший механик (дед) погрузил нас с Ольгой в катер и долго катал вдоль побережья. Больше Ольга участия в наших экспедициях не принимала.

5) 1990

Экспедиция по Черному и Азовскому морям на НИС «Эксперимент», Севастополь - Чёрное море - устье Дуная - вверх по Дунаю - Вилково - Измаил - Одесса - Днепро - Бугский лиман - Севастополь - бухта Ласпи - Ялта - Керчь - Азовское море - Темрюк - устье Дона - Чёрное море - Поти - Сочи - Севастополь. Участвуют В. Н. Никонов, В.Г. Блядзе, А.М. Афиногенов, в должности женщины ИМ.

Кок неожиданно оказался мужчиной, пришлось отдать каюту ИМ, а самому кантоваться с Никоновым в двухместном кубрике. В Севастополе при шествии вместе с ИМ с базара с авоськами фруктов Никонов провалился в люк. По дороге к Дунаю ночью случился мощный шторм, нас залило, у кэпа разбился сервиз, слетевший со своего места холодильник запер каюту ИМ, а заодно и вход в лабораторию. Еле всё откупили. Достигли устья Дуная. В воде много радионуклидов,

сбросов АЭС, судя по спектру - с румынской станции. Пошли вверх по Дунаю, глубина достаточна, берега - сплошные заросли тростника (дунайские плавни), справа - СССР, слева - Румыния, с воды посмотрели на Измаил, один день провели в Вилково (украинская Венеция); многочисленные каналы прорыты вдоль улиц; большинство из них уже пересохла. Среди жителей много староверов (липованов). В универмаге с трудом оторвал Никонова от созерцания собачьего ошейника. Основное приключение - парилка в местной бане.

Из Вилкова пошли в Одессу, где погуляли по Дерибасовской, осмотрели оперный театр, памятник Ришелье, поднялись и спустились по знаменитой лестнице. Отобрали пробы ила и воды в Днепро-Бугском лимане. По сравнению с предыдущими анализами, солёность воды заметно увеличилась. Обнаружили, что чернобыльский плутоний, который казался прочно похоронённым под осадками, вновь стал поступать в биоту. По-видимому, как результат деятельности сульфидразрушающих бактерий, переводящий радиоактивные тяжёлые металлы в планктон, а затем в рыбу. По дороге зашли в Севастополь, где совершили пеший переход в бухту Ласпи. Симпатичная бухта, провели в ней целый день, отдыхали и купались.

Снова вышли в море и последовательно имели стоянки (с выходом на берег) в Ялте, Феодосии и Керчи. Подошли к мысу Карадаг в Крыму, спустили катер и провели подробную

радиометрическую съёмку местности. Залезли на гору Святая (577 м). Карадаг - типичный остаток вулкана. Его охраняют причудливые скалы: Шайтан-капу (Чертовы, или Золотые ворота), Чёртов Палец, Иван-Разбойник, Лев и др. На Карадаге Георгий Победоसेц одолел гигантского змея и спас местных жителей. Очень много интересных (и красивых) минералов, в первую очередь - друз прозрачного кварца, халцедон, агат какой-то необычной расцветки, опал, сердолик, аметист, оникс, яшма, разные виды цеолитов. Урана немного, но есть.

Мыс Кара Даг.

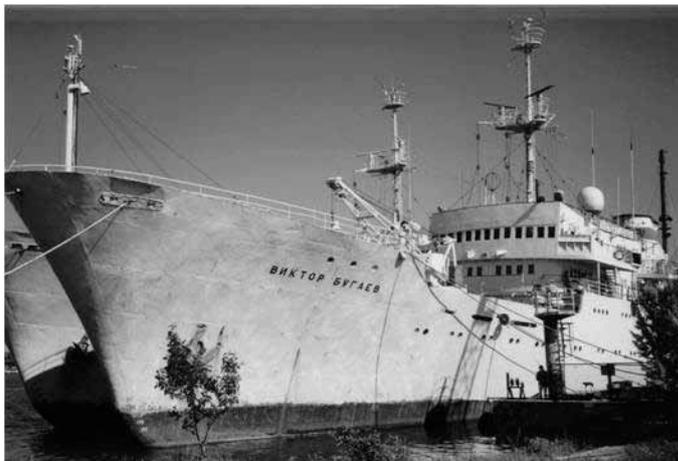
В Керчи, наконец, поднялись на гору Митридат (в прошлых рейсах неоднократно пытались совершить этот подвиг, но у подножья затаривались под завязку сухеньким, так что о путешествиях по горам не могло быть и речи). Теперь под предводительством ИМ Митридат (91,4 м) был взят. Подниматься пришлось по длинной лестнице (более 300 ступенек). Классическая архитектура в итальянском стиле. На склоне горы когда-то располагался античный город Пантикапей (Боспорское царство). Гора названа в память понтийского царя Митридата VI Евпатора, погибшего (63 до н.э.) в борьбе с Помпеем (убит другом-телохранителем по его просьбе). С горы открылся отличный вид на город и на керченскую

бухту. Осмотрели Мемориал воинской славы. Стоят 3 пушки ЗИС-3. В Керчи пришвартовались к траулеру. Нам подарили ведро кильки. ИМ нанизала их на леску, которую натянула между мачтами. По ночам сушёная килька стала исчезать, в чём несправедливо был обвинён пёс Барсик.

Прошли Керченский пролив, чуть не сев на мель, день простояли у Темрюка (Таманский полуостров). Город назван в честь основателя — кабардинского князя Темрюка. Его дочь под именем Мария 8,5 лет была второй женой Ивана Грозного. (*Сия Княжна Черкесская, дикая нравом, жестокая душою, ещё более утверждала Иоанна в злых склонностях, не умея сохранить и любви его*). Именно Мария дала Грозному идею опричнины и помогла осуществить её. Была отравлена. Брат её - воевода, любимец Грозного, один из основателей опричнины, пытал и казнил бояр; Грозный посадил его на кол, предварительно убив его жену и шестимесячного сына. Их нравы! На месте Темрюка когда-то была генуэзская колония Копа.

Провели радиационную съёмку Курчанского лимана. Вымазались чёрной грязью у станции Голубицкая. Слазили на Гнилую гору, на которой много грязевых вулканов. Подошли к устью Дона, отобрали пробы воды и ила, по реке подниматься не стали. Развернулись, вышли в Чёрное море и пошли сразу в порт Потти, что в устье реки Риони (Верхняя Сванетия). Потти построен на месте античной греческой колонии Фазис (Колхида, фазаны, Золотое руно, аргонавты). Живут тут мегрелы. В городе есть сгоревшие дома, кто с кем дрался - не ясно). Послали Никонова на базар за чачей. Купил, но канистра текла, он весь пропитался спиртным (и с наружи и изнутри, поскольку всегда исповедовал принцип: *лучше в нас, чем в таз*). Это 5 литров

самогонки. Еле заловили его меж кораблей у причала. В воде Риони много урана. Пошли на юг, вдоль побережья, брали пробы воды в устьях рек Псоу, Бзышь, Сочинка, померили радиоактивность в Хосте (много радона), зашли в Сочи: "Убрать с лееров нижнее бельё - входим в Город Курорт Сочи!".

Причалили рядом с большим Научно-исследовательское судном погоды ледового класса "Виктор Бугаев" (бывший "Прорыв") именно на нём в 1980 капитан и 20 членов экипажа в Атлантическом океане наблюдали НЛО: летящий объект необычной формы. Носовая часть светилась большим огненным снопом, занимая почти половину длины корпуса. Огненный снап создавал впечатление света, направленного в кормовую часть судна. Аппарат напоминал форму конусообразной сигары и двигался с небольшой скоростью с юго-запада на северо-восток, пересекая диаметральной плоскостью судна в районе кормы. Пролетев некоторое расстояние, аппарат, слегка качнувшись, завис в неподвижном состоянии, изредка делая лёгкие качательные, вернее вращательные движения. Затем от этого аппарата отделился точно такой же аппарат, по величине не отличающийся от первого, носовая часть которого выбрасывала огненный снап света, а затем, быстро набирая скорость, скрылся в северо-западном направлении. Первый же аппарат, оставаясь ещё в зависшем состоянии, убрал огненный снап света и приняв цвет алюминия, стал двигаться в северо-восточном направлении, увеличивая скорость. "Виктор Бугаев" - корабль большой, у капитана - трёхкомнатная каюта, есть ЭВМ типа БЭСМ-6. На "Эксперимент" с "Бугаева" пришли гости, позавидовали нашему уюту и пригласили к себе. Просидели всю ночь, в горячих спорах выпили ящик Мадеры. На спуске с длиннющего трапа старпом жал каждому из нас руку "Спасибо, что без скандала!". Судьба судна потом была незавидна: после развала СССР оно оказалось на Украине, 31.12.2000 г. прибыло на рейд Алиаги (Турция), 02.01.2001 г. выбросилось на берег, разделано там же. Никонов на мадеру не попал, т.к. ушёл на прогулку на катамаране. Там его чуть не убили, спасся, спрыгнув с пирса на "Эксперимент". Сходили в кино, посетили Дендрарий. Из Сочи - прямо в Севастополь, а оттуда - домой.

6) 1991

По Чёрному – Мраморному и Эгейскому морям (НИС Эксперимент, 1-ая Международная экспедиция). Участники: ИМ, В. Никонов, Андрей Тепляков, Олег Егоров. Маршрут: Севастополь - устье Дуная - Босфор - Стамбул - Мраморное море - Дарданеллы - Эгейское море - остров Лемнос - Стамбул - Кача - Севастополь. Долго не могли выйти из Севастополя: оформляли разрешение на границу, а нам - паспорта моряка, позволяющие без визы посещать любые города и страны.

Маяк на мысе Херсонес.

Пока это шли формальности, поднялись на Малахов курган, где хорошо помылись в бане. Взяли пробы воды в Казачьей бухте. В конце 1 в. н.э. в этой бухте по приказу римского императора Траяна был утоплен ученик святого Петра Климент – 4-й папа римский, каторжник в каменоломне, основатель Инкерманского монастыря. Его мощи в 861 найдены на песчаном островке создателями славянской письменности Кириллом и Мефодием. Мощи были помещены в собор Святого Петра в Риме, а часть их, оставшихся в Херсонесе, киевский князь Владимир в 988 году увез в Киев. Побывали на мысе Херсонес (Герacleйский

полуостров), крайняя западная точка Севастополя, посмотрели на маяк (высота 36 м). Здесь в 1942 командование бросило на произвол судьбы 80 тыс. солдат, больше половины погибло и здесь захоронено. Пошли в археологический заповедник, посетили музей. Тут 2500 лет тому назад греками был основан город Херсонес Таврический (по-русски Корсунь). Много чего он испытал. В 988 киевский князь Владимир после нескольких месяцев осады захватил город. Взятие Корсуни позволило Владимиру диктовать свои условия императору Василию II и жениться на византийской царевне Анне. Кое что от города сохранилось: Агора (центральная площадь), театр,

базилика в базилике, башня Зенона. Висит колокол, в который можно ударить. Руины, колонны, амфоры. Собор св. Владимира, практически полностью разрушенный во время войны. На этом месте якобы крестился князь Владимир. Собор собираются реставрировать. Искупались и вернулись в город.

Перед выходом в дальний рейс, мы обычно гуляли по Севастополю.

Начали готовиться в выходу в море. На экспедицию выдали валюту, немного - на представительские расходы, но у каждого были свои доллары, тоже очень мало, но были. Вывозить их было нельзя, приходилось прятать. Я просто сунул в высоковольтник, 3000 вольт, никто не полезет, а студенты съели конфеты, а в фантики заложили плотно сложенные доллары. Конфеты и конфеты, никто не догадается. Таможенники на нас особо внимания не обратили, шерстили команду в поисках контрабанды, хотя понимали, что на пароходе без проблем можно спрятать, что угодно - найдёшь, если судно разберёшь до винтика. Ко мне пристали: зачем нам ящик карандашей. Я объяснил, что графит - замедлитель нейтронов. Таможенники со мной согласились и отстали.

Вышли в море и пошли к устью Дуная, штормило, но умеренно. Выяснилось, что студенты переносят качку довольно тяжело. Отобрали пробы воды и ила, убедились, что радиоактивные вещества по Дунаю продолжают поступать в Чёрное море, течение относит их в сторону болгарских пляжей. Ночь провели у Змеиног острова. На этот остров постоянно претендует Румыния, объявляя, что это не остров, а скала. Но это, конечно не скала: есть посёлок (Белое) и даже музей. Остров имеет форму креста, расстояние между крайними точками полкилометра. Стоят маяк и радар. Берега обрывистые, но есть и пляж. Много гротов. Деревьев нет, змей тоже (с Дуная течение иногда заносит ужей); типичная степь. Здесь когда-то был храм Ахилла. Остров упоминается в Фаусте Гёте. На шельфе около Змеиног недавно обнаружены значительные месторождения нефти и природного газа. Мы погружаемыми датчиками обнаружили придонные выходы радона. Тут я получил телеграмму от Людмилы Дмитриевны – начальника морского отдела МГУ с приказом отменить заграничье и идти в Одессу. Его я проигнорировал.

Собрались с силами и пошли в Турцию. Сильно качало, мы начали жаться к берегу. Наперерез бросился румынский катер, оцетинившийся ракетами. Отогнал нас в море. Качка усилилась, мы попытались уйти в залив Бургас, но болгары нас к себе не пустили. Шторм кидал наш корабль, как щепку. На манёвры и борьбу с волнами тратили последнюю солярку. Я был с капитаном в рубке, когда нам пришли радиogramмы от ЛД (мне - отдельно, кэпу - отдельно) с требованием немедленно вернуться назад. В Стамбуле стоит "Московский университет", на борту которого ЛД сейчас находится: лишней солярки нет, а за нашу стоянку не уплачено (денег нет). Обсудили с кэпом ситуацию, пришли к единому мнению, что на бабские капризы и даже истерики обращать внимание не стоит. Это, конечно, риск. Будем иметь бледный вид, если нас в порт не пустят, а обратно идти не на чем. Запасы питьевой воды, кстати, то же ограничены. Ну, да, кто не рискует, тот не пьёт шаманского! Шанс даётся один раз, второго не будет.

Проснулся от того, что перестало качать и бить моё несчастное тело о переборку. Вышел на палубу: солнце выплыло из моря, погода прекрасная и мы входим в Босфор. "Никогда я не был на Босфоре". Очень жаль. А я вот был! Пролив назвали в честь дочери авгийского царя. Прекрасная возлюбленная Зевса по имени Ио была превращена им в белую корову (извращенец!), чтобы избежать гнева его жены Геры (трус!). Несчастная Ио избрала водный путь к спасению, нырнув в

синеву пролива, который с тех пор и называется «коровьим бродом» или Босфором. Пролив длинный (30 км), на входе широкий (3,6 км), на выходе сравнительно узкий (0,7 км); довольно глубокий (33 - 80 м) - подводная лодка пройдёт. Аварийность судов здесь высокая: течение 6 узлов, а к течению моряки не привычны, к тому же у морского судна винт один, тогда как у речного обязательно два. В проливе необычайно интенсивное движение: большие корабли, с которыми не разминёшься, паромы, рой мелких судов, снующих вокруг и прямо перед твоим носом. Все под красным турецким флагом. На катере прибыли пограничники и таможенники. Тут же были облаяны Борей. Турки предложили нам продать пса. Мы гордо отказались. За штурвал встал лодман. Проводка судна стоит тысячу долларов, ничего - МГУ заплатит (нехорошо нищим прикидываться). Экспедиция выстроилась по бортам. Было на что посмотреть! Одно из самых сильных моих впечатлений, а я много чего видел в своей жизни. По крутым берегам - плотнейшая застройка. Замки-крепости всех времен, дворцы-виллы, пароходы, водное такси, висячие автомобильные мосты: сначала Султана Мехмеда Фатиха, а затем - Босфорский мост (проезд по нему платный, а пешеходам проход запрещён, т.к. многие из них склонны к самоубийству). Встали на рейд точно напротив дворца султана. Сообщили ЛД радостную весть о нашем прибытии. Впрочем, она нас уже видела простым глазом. После некоторых препирательств, нам разрешили причалить, но не к пирсу, а к борту "Московского университета". Свершилось!

Мы вышли в город. *"Истамбул, был Константинополем!"* А до того Византией. По-нашему Царьград, к стене которого так тянуло русских князей прибить свой щит (на большее сил не хватало). Прямо у порта шаланды с художественно расположенной рыбой. Вроде мы в одном море рыбачим, но у нас ничего подобного нет. Подошли к бухте Золото рог, она действительно, напоминает оленьи рога: сильно изогнута и имеет множество разветвлений, впадает в Босфор в месте его соединения с Мраморным морем. Вступили на Галатский мост, он - плавучий, что ограничивает водообмен между Рогом и Босфором, приводит к кислородному истощению и накоплению сероводорода в заливе. Залив грязный, купаться нельзя, рыба исчезла. На мосту стекольщик продавал стеклорезы. Он виртуозно отрезал тонкие ломтики стекла, которые улетали в воду. Вся команда накупила "алмазы", но ни у кого стеклорез стекло резать не стал. Фокусник этот стекольщик! Пришли на базар - бесконечный лабиринт. Нам зажгли свет, и всё засияло золотом и брильянтами, как в пещере Аль Ладина, сцена из сказок "Тысяча и одна ночь", к нам бросились продавцы и потащили в разные стороны. "Здравствуй, Горбачёв! - кричали они. Мы прибалдели: и от обилия товара и от сервиса. ИМ не успела глазом моргнуть, как была одета в джинсовую куртку. Не сразу поняла, что купила. Она приобрела чайный и кофейный сервизы, очень красивые, но краска с них сошла через месяц. В каком-то магазине заставила продавцов бегать по этажам и после долгой торговли на неизвестном мире языке купила нитки для вязанья. Никонов развил бурную деятельность по приобретению джинсов и перчаток, но в итоге ничего не купил. Я же мимоходом прибарохлился джинсами - предметом зависти Валеры. Карандаши наши никто приобрести не захотел, наконец, на Университетской площади обменяли их на девичьи трусики-бикини. В городе кругом еврoмагазины, ходит старинный однокорейный трамвай, на каждом шагу шаурма на вертикальных вертелах (в Москве тогда её не было), бурная жизнь, толкотня, повозки, перегруженные товаром, которые толкают мужики, автомобили, раздвигающие толпу, интенсивная торговля прямо на асфальте. Посетили огромный Собор Святой Софии — Премудрости Божией (теперь мечеть Айя-Софья, напоминает музей, первый храм построен в 330 г. и сгорел, второй сгорел тоже, это уже третий, 537, его частично разрушило землетрясение (989), здание подперли контрфорсами, которые сильно попортили его вид), мусульмане пристроили четыре минарета. В 1453 г. в храм ворвались турки, красная полоса на колонне отражает уровень крови зарубленных молящихся. В соборе гигантский купол, не понятно на чём держится. Говорят потому он и стены прочны, что в строительный раствор добавляли экстракт листьев ясеня. Есть тут «плачущая колонна», покрытая медью (если положить руку в отверстие и, ощутив влагу, загадать желание, то оно обязательно сбудется), есть также «холодное окно», где даже в самый жаркий день веет прохладный ветерок. На стенах храма - изображения Иисуса Христа и Богоматери, и цитаты из Корана на четырёх больших щитах овальной формы. На мраморных парапетах заметны надписи, сделанные скандинавскими рунами. Их нацарапали воины из варяжской гвардии императора Византии (по принципу *"здесь был Вася"*). В соборе множество прекрасных фресок и мозаик; им тысяча лет, а то и больше. Они сохранились, поскольку много веков были замазаны штукатуркой. Их нужно долго разглядывать, да времени не нет. В городе много музеев, около одного из них гробница Александра Македонского, как она сюда попала - не ясно. Естественно, много дворцов. Частично восстановлена стена с воротами. Собрались осмотреть Голубую мечеть (Мечеть Султанахмет) - основную мечеть Стамбула. Не случайно при ней 6 минаретов. Но не получилось. Сели на лавочку отдохнуть, как на нас накинулась стая мальцов, которые стали интенсивно чистить нам обувь (не мне - я был в сандалиях). Мы заплатили. Они потребовали ещё и ещё, стали подтягиваться грозные мужики, запахло мордобоем, международного уровня. К счастью, появились матросы с "Эксперимента". Мы разошлись. (Много позже, я посетил Голубую мечеть, там огромное количество (более 20 тыс.) белых и голубых изникских керамических изразцов ручной работы. Красиво!).

Отобрали пробы воды в Золотом Роге. Там два слоя, разной солёности, и, следовательно, с разным содержанием радиоактивного калия-40. "Московский университет" поделился с нами соляжкой (заначка, которая, как предполагал наш кеп, основываясь на собственном опыте и традициях, должна была быть; она и была, о чём сухопутная крыса ЛД не догадывалась). Пошли по Мраморному морю, как по пруду - никакого волнения. Обошли Принцесы острова (их девять). На острове Бююкада (Принкипо) в 1929-33, после высылки из СССР, находился Л.Д. Троцкий. Жил бы тут дальше, глядишь, остался бы цел. Мраморное море довольно длинное (280 км) и глубокое (до 1350 м). Южный берег гористый, много заливов. Где-то там знаменитая Троя. Солёность воды много выше, чем в Чёрном море, но меньше, чем в океане. Прошли Дарданеллы (Геллеспонт, море Геллы», назван в честь Геллы — дочери орхоменского царя Атаманта и Нефелы, сестры-близнеца Фрикса). Здесь, как и в Босфоре два течения: поверхностное, менее солёное, из Мраморного моря в Средиземное, а нижнее с более солёной водой - в обратном направлении. На выходе из пролива - гора Ида. Пролив менее интересен, чем Босфор, есть два замка, а больше ничего примечательного. Вышли в Эгейское море и сделали днёвку у острова Лемнос (остров Гефеста, бога огня, Греция). Остров замечателен своей древней историей, здесь, кстати, зародилось пятиборье, долго островом правили амазонки, предварительно перебив всех мужиков (которые им якобы изменяли). На нём, говорят, сейчас производят замечательный мускат, мы не пробовали, сойти на берег нам не разрешили. Был полный штиль, закат, дымка, тепло, но не жарко. Устроили купанье, самое лучшее за все морские экспедиции вместе взятые.

Очень хотелось дойти до Измира, но питьевой воды и соляжки было в обрез, пошли обратно. Подкилевым детектором непрерывно измеряли радиоактивность морской воды, батометром брали пробы воды с различных глубин. В Босфоре два течения — распреснённое верхнее из Чёрного моря в Мраморное, на юг (скорость 1,5—2 м/с) и солёное нижнее — из Мраморного моря в Чёрное (скорость 0,9—1 м/с). Радиоактивность из Чёрного моря (в том числе - чернобыльский цезий) уносится в Средиземное море (среднеземноморская активность идёт к нам нижним течением). Мы с ней простились. Оказалось - зря. Радионуклиды на выходе Босфора оседают, попадают в нижнее течение и возвращаются к нам обратно! Этот эффект следует учитывать при построении баланса поступления-сток радиоактивных веществ в Чёрном море. Солёное течение продолжается в Чёрном море подводной рекой, радионуклиды оседают и сносятся на восток вдоль турецкого берега.

Опять попали в сильный шторм (что за напасть такая!), всю ночь шли к Крыму, бросили якорь напротив Качи, приходили в себя. Тут мы подверглись нападению украинских националистов. Четверо мужиков приплыли на моторке и стали кружить вокруг парохода. Они что-то кричали, трудно было разобрать, но что-то матерно-политическое. Мы посмеивались и сплёвывали. Вдруг они пошли на абордаж. У нас на борту была гидропушка для тушения пожара. Никогда не видел её в действии. Струя оказалось мощной, сходу один вылетел за борт, а лодка стала заполняться водой и тонуть. Разбойники ретировались на вёслах. Стало ясно, что России пора слезть с печи и начинать лупить обнаглевших соседей. Будем бить, сильно, до крови. Вернулись в Севастополь, на Украине мощная инфляция, на базаре 10 кг хороших фруктов стоят 1 доллар, вино тоже дешёвое. Устроили праздник. Больше на мы на "Эксперименте" никуда не ходили.

7) 1993.

Черноморская экспедиция, "Донузлав". Маршрут: Севастополь – Симеиз- Коктебель - Феодосия - Туапсе - устье Днепра - Одесса - устье Дуная - Симеиз - Ялта - Севастополь, некоторые участники: ИМ, Никонов, Похолок, братья Железновы, Дима Сидоров (физик, мой внук), Ольга Дубовая, Ю.А.Сапожников, Зефирова – сын и Мария Валентиновна, доцент у Зефирова, девицы-вертихвостки с органики.

Пришло время новой морской экологической практики, а идти не чем: все корабли МГУ Украина конфисковала, продала в частные руки, которые тут же сдали пароходы в утиль. Попытка через Монако организовать экспедицию по маршруту Новороссийск-Измир-Хайфа, но ничего не вышло. К счастью, МГУ арендовал большой корабль, «Донузлав», плавающий под российским флагом, но тогда ещё базирующийся в Севастополе. Я стал начальником всей экспедиции (30 чел) и одновременно начальником химического отряда (15 чел), ещё 15 человек были физиками. Организация радиоэкологической практики шла трудно, как дополнение мешался Боженко с женой, я предложил ему проверить аппаратуру, он не стал, и даже попытка меня обойти через Сапожникова, в поезде он меня достал окончательно и на борт я его не взял. В Севастополе дополнительные трудности, флот расколот на своих и чужих, все боятся будущего, ничего не делают, кругом забастовки. Оборудования взяли мало, боялись, что отберут на обратном пути. Правильно сделали: у предыдущего отряда так и случилось. Таможенники абсолютно обнаглели. Но теперь мы не могли мерить по ходу судна активность воды и воздуха. Отбирали только пробы воды и мерили радиоактивность. Корабль глубоко сидящий, к берегу подойти не может, а нам это надо. Кабель-троса нет, детектор опустить на глубину нельзя. Пришлось работать с катера, а это совсем не то. К тому же, у химиков и физиков разные интересы: им надо в открытое

море мерить волны, а нам интересны заливы и устья рек. "Донузлав" Керченский пролив пройти не может, так что Азовское море недоступно, а оно нам интересно. Корабль большой, четыре палубы, на одной можно играть в волейбол, три лаборатории, у меня двухкомнатная каюта с душем и галюном, иллюминаторы выходят на бак, так что я вижу, куда идём, не хуже, чем из рубки, которая точно надо мной. Познакомился с кэпом, выпили, но потом общались мало. За обедом он сидит в общей кают-компании, но так, чтобы его никто не видел: один вид капитана так портит настроение офицерам-матросам, что они перестают выполнять свои обязанности.

Пока стояли, водил экскурсии по Севастополю, посетили пару музеев, Панораму, естественно, базар. По сравнению с Москвой, здесь всё намного дешевле. Поехали осматривать Инкерман (*пещерная крепость*) Там находится Инкерманский мужской пещерный монастырь, основанный в 8 веке н.э. Возникновение монастыря предание связывает с почитанием Климента, римского епископа (папы) в 92 году, сосланного императором Траяном за проповедь христианства в каменоломни близ Херсонеса, проповедовавшего и убитого (утопленного в Казачьей бухте) по приказу императора в 101 г. Основные помещения монастыря — пещерные, высечены в западном обрыве Монастырской скалы, базилики, кельи образуют несколько ярусов, 300 помещений напоминают пчелиные соты. У обрыва, частично в скале, церковь, которую при нас начали восстанавливать. Под скалой - небольшое кладбище, но похоронено там множество людей. Во время войны в пещерах размещался штаб 25-й Чапаевской дивизии приморской армии. Бои здесь были серьёзные. Над монастырём, на плато находятся развалины крепости Каламиты (6 век). С противоположной стороны Монастырской горы, у устья Чёрной речки идут интенсивные разработки известняка. Пыль, грохот. Ещё немного и сроят всю гору. Дома вокруг строят из добытого камня. Ещё недавно возле монастыря находился водный источник, открытый Климентом для облегчения участи каторжан. Источник пересох в 1970-х (в связи с проводившимися строительными работами), а его вода теперь затапливает карьер по добыче инкерманского камня. Следующее мероприятие - посещение нашей компанией дегустационного зала массандровских вин. Прослушали лекцию на тему, что и как пить.

Не сразу, но всё же вышли в море. Зашли в Симеиз, где провели экскурсию по Морскому геофизическому институту. Он не в самом Симеизе, а дальше - в Кацивели. Там есть мощный экспериментальный комплекс - штормовой бассейн, в нём создавали и изучали ветровые волны (до трёх метров высотой). Грандиозное сооружение, но вид, как у развален Карфагена, только там была война, а тут всё разобрано и растащено. Жаль! Переместились в Коктебель, собирались померить радиоактивность пляжей, но путь нам преградил украинский военный корабль, который не дал иностранцам (т.е. нам) вступить на свою землю. Тогда перешли в Феодосию, тут нас тоже не пустили на берег, однако, мы наплевали на местные власти, поставили пароход на рейде, спустили катер и несколько раз посетили город и его окрестности. Ночью, не спросив у меня разрешения, студентки с органики, погрузились на катер и отправились с матросами на ночные купания. Потом будут вопить, что их изнасиловали без из согласия. Пришлось устроить взбучку.

Пошли по морю, зашли в Туапсе. Оказалось команда имеет бизнес - закупает российский дешёвый бензин в бочках, и перевозит их на Украину. Развернулись, прошли мимо устья Днепра (отобрали пробы воды с катера) и пришли в Одессу, немного по ней побродили, посидели в пивной "Гамбринус". В Одессе отличился мой аспирант Андрей Железнов (на борту был и его брат Олег). Мало того, что тётка, командующая физиками, просила меня уговорить Андрея не клеиться к физичкам "*Что ему химичек мало?!*"), так он взял студента-физика и растворился с ним в городе. Вечер, нам надо уходить, иначе придётся платить большую сумму за стоянку, а их нет. Ночь нет, на рассвете появляются: *трудно идти ночью по Одессе, судя по его виду - трудно ползти, много грязи и кустов с колючками.*

Пошли в устье Дуная, где снова отобрали пробы воды, и отправились вдоль южного берега Крыма в Ялту. Там очень хорошо провели время, посетив несколько кафе. Взяли на борт ЛД. А вот этого делать было не надо: *баба на корабле всегда к беде.* И точно, начались какие-то интриги, я шалел, не понимая, что происходит. Идут перманентные скандалы. В каюту явился штурман, объявил, что я на него наговариваю, и потребовал сатисфакции. Юмор в том, что я вообще с ним никогда не встречался, даже не знал о его существовании. На хрен он мне сдался? Я вообще никогда в жизнь команды не вмешивался, мне что: мало моих тридцати балбесов? Что там ЛД ему наговорила и с какой целью узнавать не стал. Сказал лишь: *отвали.* Удручало повальное пьянство членов экипажа; на "Эксперименте" моряки были отнюдь не ангелы, но такого никто никогда себе не позволял. В ходе рейса читал своим лекции, просто, чтобы их чем-то занять и чтобы регулярно видеть всех. И если у кого сильно подбит глаз, или ему нехорошо с похмелья, то незамедлительно принимал меры. Прочёл 14 лекций по экологии и радиоэкологии. Они, конечно, никому не нужны, но я потом повторял их студентам-радиохимикам и они легли в основу моего учебника "Экологическая химия и радиоэкология". И то польза... В Севастополе на окраине появился базар-барахолка. Купил там тельняшку себе и Диме, ему в подарок на будущий день рождения. Дорога домой оказалась ужасной, ехали в общем вагоне, поезд штурмовали мешочники без билетов, они полностью заполняли тамбур, лезли на третьи полки, сбрасывая наши вещи. Пришлось применить физическую силу, почти не спал. Ужасно устал, нервы сдали. Пытался этой экспедицией сделать

доброе дело, но каждое доброе дело должно быть наказуемо. Две недели болел, и ещё два месяца приходил в себя.

8) 1994

Черноморская экспедиция, «Фаддей Беллинзгаузен», короткая - 2 недели. Маршрут: Севастополь – Гурзуф– Феодосия – Ялта - Севастополь. Участвовали, в частности, ИМ, Дима Сидоров, Сапожников, его дочь с подружкой, Похолок, Степан Калмыков с подружкой, студенты с материаловедческого колледжа. Побродили по Севастополю, опять был экскурсоводом.

Вышли и пошли к Гурзуф, а затем мимо скал Адалары к Артеку, где стали на якорь. Спустили катер и высадились в на берег. В этом пионерском лагере-санатории я летом после шестого класса провёл смену. Изменения, конечно, большие, ничего не узнал. Раньше то тут, то там лежали торпеды и морские мины. Мы на них играли. Их уже нет, зато появился памятник Ленину. Лагерь теперь не лагерь, а Международный детский центр Артек. Несмотря на нововведения чувствуется запустение. Полезли на гору Аю-Даг (Медведь гора), было намерение перевалить через неё и спуститься в Партенит, где Ида отдыхала с Антом, забрать его и показать на каком корабле плавают дед и в какой у него каюта. Может уважал бы тогда... Но дело шло к вечеру, пора возвращаться. На корабле мы приняли делегацию детей из Артека. Пошли в Феодосию. Там наш корабль арестовали. Еле выбрались. В море ложились в дрейф и устраивали купания. Мероприятие опасное: часть народа плавают вокруг, а часть прыгает с палуб вниз головой. Если столкнуться с головами плавающих будет смертоубийство. Удивил капитан, который решил выпендриться, залез выше всех, прыгнул и повредился, больше я его не видел. Из счётной аппаратуры у нас был только портативный дозиметр, им мы измеряли флуктуации радиационного поля, но не более того. Пробы воды увезли в Москву, но там можно было измерять только долгоживущую радиоактивность. Экспедиция, в целом, прошла бездарно. Это был последний рейс от МГУ. Вскоре и морской отдел МГУ был ликвидирован.

Всегда привлекал в экспедицию студентов, пытался вырастить из них продолжателей. Но воспитал врагов этого дела. Увы!

Далее я организовывал частные экспедиции.

НИС МГУ

Московский университет в разные времена владел (или арендовал) разными судами. Ему принадлежали суда с названиями Горизонт, Академик Петровский, Эксперимент. Но обычно (не всегда), попав в МГУ, судно переименовывалось в "Московский университет", что создало изрядную путаницу. Получается, что судов с таким названием было четыре, а какие у них были девичьи фамилии - не ясно.

Из общения с сотрудниками морского отдела МГУ мне известно, что 1957 МГУ был передан "Большой морской охотник" водоизмещением 350 тонн из Каспийской морской флотилии. Этот корабль, названный "Московский университет", отработал четыре навигации (1957-1961). В 1961 он был заменен более удобным для экспедиционных работ посыльным судном водоизмещением 540 тонн, также названным "Московский университет". Оно принимало на борт 22 члена экспедиционного состава и находилось в эксплуатации до 1978 года. В конце 70-х годов в МГУ было уже 3 корабля. С 1979 для практики и экспедиционных работ на Черном море использовались: 1) судно неограниченного плавания "Горизонт" ("Московский университет", построен в 1963 в Гданьске) водоизмещением 1270 тонн, экспедиционный состав - 23 человека; "Академик Петровский" ("Московский университет", тунцелов, построен в 1970 в Хабаровске), неограниченного плавания, водоизмещение 932 тонн, экспедиционный состав - 12 человек использовалось для рейсов в Средиземном море, Атлантический океан; судно "Эксперимент» предназначено для экспедиционных работ в Каспийском море.

НИС "Эксперимент".

Из этих кораблей я ходил только на небольшом "Эксперименте", но бывал на "Московском университете". Работали мы и на больших кораблях "Донузлав" и "Фаддей Беллинзгаузен", но эти суда были арендованы у Военной гидрографии.

Коротко останавливалось на этих судах (пароходах, как называли их наши моряки).

НИС "Эксперимент" - пример небольшого исследовательского судна. Это - бывший большой черноморский сейнер, БЧС-300 "Затвор", построен в ГДР в 1949 г., переоборудован в НИС в конце 70-тых годов, порт приписки г. Красноводск, экипаж 12 человек, экспедиция – 6 человек, водоизмещение 162 т, осадка 2,1 м. Способен ходить как по морям, так и по рекам.

"Эксперимент" располагал катером для отбора проб воды в устьях рек, в мелких заливах, проб песка на пляжах, донных отложений и т.п. Наличие трала позволяло отбирать рыб и некоторых морских животных на анализ содержащихся в них радионуклидов. Водолазное оборудование обеспечивало подводные работы. На судне существовало две лаборатории, одна из

которых использовалась для размещения радиометрического оборудования, другая – химического. Дно нижней лаборатории представляло собой окно, через которое можно было рассматривать морское (речное) дно и его обитателей. Судно использовалось для изучения радиационной обстановки в Чёрном, Азовском, Мраморном, Эгейском и Каспийском морях, в реках Дон и Волга, а также в Цимлянском водохранилище.

Научно-исследовательское судно МГУ НИС "Эксперимент".

НИС "Эксперимент" обладал системой определения координат по радиопривязке, радаром, лотом (скорость хода судна) и эхолотом (определение глубины под килем корабля). Это позволяло в любой момент достаточно точно определять координаты судна (т.е. координаты отбора проб и радиометрических измерений) и его расположение относительно береговой линии и рельефа дна. Гидрологическое оборудование включало батометры и лебёдки для работы с ними, трубки для отбора проб донных отложений и ила, лебёдку с кабель-тросом, для питания погружаемого датчика β -излучения. На борту работал телефон, был кондиционер.

"Донузлав" (назван в честь самого глубокого озера в Крыму, раньше было озеро, теперь залив) - гидрографическое судно, проект 862/II, построен в 1983 в Гданьске, группа: Военные корабли, мореходность неограниченна, водоизмещение: 2499 т., длина - 82,5 м, ширина - 13,5 м, осадка - 4 м. Скорость полного хода: 15,9 узлов. Дальность плавания: 6700 миль при 15,9 узлах, 8000 миль при 13 узлах. Силовая установка: 2 дизеля 12AV 25/30 по 2200 л.с., 2 вала. Вооружение: не несет. Экипаж: 58 чел. Научная группа: 12 чел (мы набивали 30!), порт приписки г. Севастополь. На судне имеется грузовой трюм на 100 куб.метров, и место для размещения палубного груза. Радиотехнические средства представлены двумя РЛС "Дон" и ответчиком системы госопознания "Хром-К". Автономность судна 40 суток.

На "Донузлаве" в нашем распоряжении были три лаборатории, два гидрографических катера, радиометрические приборы и радиохимическое оборудование, используемое для изучения характера распределения радионуклидов в водах мирового океана и в приповерхностном слое воздуха.

"Фаддей Беллинсгаузен" - экспедиционное океанографическое судно, построено в 1965 в Гданьске, водоизмещение: 3090 т., длина - 89,7 м, ширина - 13 м, осадка - 4,75 м, скорость хода максимальная: 16,3 узла, дальность плавания: 11000 миль при 14,2 узла, 8800 миль при 16,3 узлах. Силовая установка: 2 дизеля "Згода-Зульцер" 8TD-48 по 2400 л.с., 2 винта. Вооружение: не несет. Экипаж: 70 чел. Научная группа: 26 чел (нас набивалось 50).

Замечание. В 1995 Украина отобрала у МГУ все суда (даже Эксперимент, который был приписан к Красноводску (Туркмения). Они тут были сданы в аренду частным предпринимателям. Один из них в 2004 продал "Эксперимент" и "Академик Петровский" на слом. Никаких прав на это он не имел, причинил ущерб государству в 173000 гривен (700000 руб), Севастопольская прокуратура завела уголовное дело, которое, естественно, окончилось ничем. "Фаддей Беллинсгаузен" под именем "Омега" в 2012 сдан на слом и превращён в утиль.

На кораблях (в основном - на "Эксперименте") я организовал исследования различного типа.

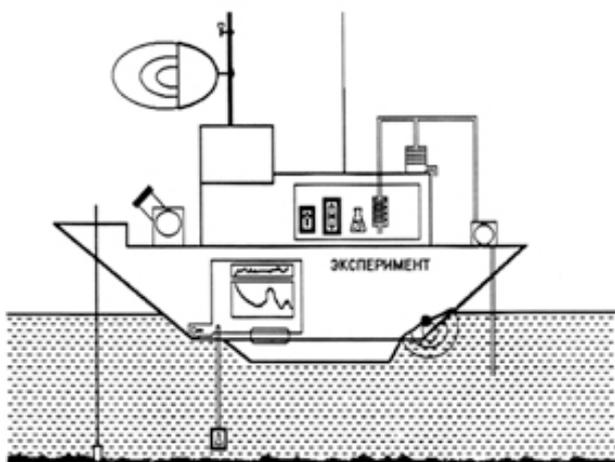

"Фаддей Беллинсгаузен" под именем "Омега"

Радиометрические и радиохимические исследования на НИС МГУ

Научное оборудование НИС.

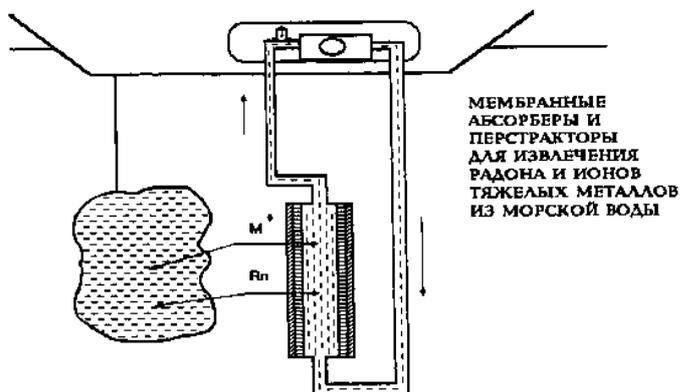
Научное оборудование привозилось из МГУ и монтировалось только на время рейса. Оно включало два детектора γ -излучения, предназначенных для непрерывного измерения радиоактивности по ходу движения судна. Оба были снабжены сцинтилляционными детекторами (NaJ+Tl) большого объема. Подкилевой детектор – измерял активность морской воды, детектор на мачте судна – измерял активность атмосферы. Оба детектора непрерывно регистрировали активность; отдельное измерение продолжалось 3 мин, после чего накопленное количество импульсов поступало в компьютер. В результате получались два набора временных рядов, которые, с учётом показателей системы навигации судна,

позволяли следить за эволюцией γ -полей (в воде и воздухе) в пространстве и времени. Совместное

использования двух детекторов позволяло обнаруживать корреляции между активностью воды и приводного слоя воздуха.

Распределение β -активности воды по глубине измеряли погружаемым датчиком собственной конструкции, состоящем из прочного стального корпуса, сцинтиляционного кристалла спектроскопического типа, ФЭУ и предусилителя с катодным повторителем).

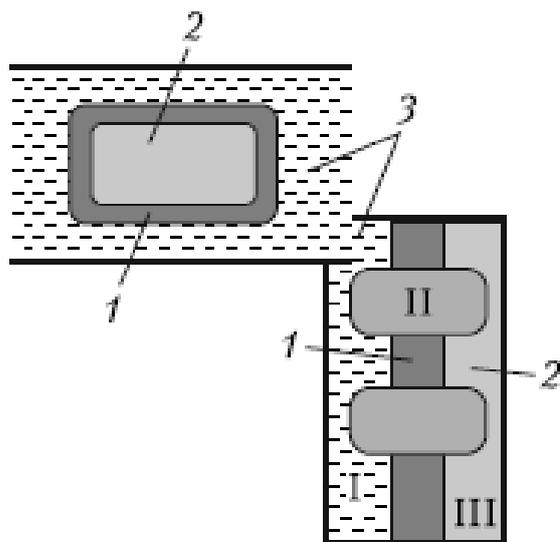
Электрическое питание подавалось по многожильному кабель-тросу, глубина погружения определялась длиной этого троса.

Пробы воды отбирались батометром. Для концентрирования и извлечения конкретных радионуклидов, из вод на разных глубинах, использовали экстракционную систему, которая представляла собой гибкую оболочку, изготовленную из селективной мембраны, которую заполняли специальным экстрагентом (например, растворяющим

Rn в 10, 20 раз лучше, чем вода; экстрагент на Sr , U или Pu и т.п.). Поскольку жидкость несжимаема, то такой коллектор с помощью обычного кабеля мог погружаться на любую глубину. Датчик на некоторое время погружали в воду на требуемую глубину, затем извлекали на борт судна и измеряли активность экстрагента.

Для непрерывного контроля содержания целевого радионуклида использовался метод мембранной экстракции. Погружаемый датчик представлял собой плоскую ячейку из нержавеющей стали, в которой вмонтированы мембранные окна. Через ячейку непрерывно прокачивался жидкий экстрагент, селективно растворяющий целевой элемент. После прохождения через мембранную ячейку, жидкий абсорбент (или экстрагент) протекал через проточный счётчик на борту судна, который измерял его активность. Затем экстрагент либо выбрасывался (дифференциальный вариант), либо циркулировал через мембранную ячейку, накапливая целевой компонент (интегральный вариант).

Рабочим элементом датчика на принципе мембранной экстракции, в зависимости от типа радиоактивного элемента (металл или газ) используется сплошная или пористая мембрана, жидкая или импрегнированная мембрана. Импрегнированные жидкие мембраны представляют собой пропитанные жидкостью пористые плёнки. Такие мембраны могут быть однокомпонентными и многокомпонентными. Однокомпонентная мембрана является для проникающего через неё вещества лишь селективным растворителем (пассивный перенос). Многокомпонентные жидкие мембраны содержат химические соединения-переносчики, растворённые в мембранной жидкости и способные избирательно связывать и переносить через мембрану целевой радионуклид.

Мембранно-экстракционный диск для извлечения радионуклидов из водных растворов: 1 — мембрана, в порах которой находится экстрагент; 2 — реэкстрагент; 3 — природная вода; I — водный раствор; II — экстрагент; III — реэкстрагент.

Мембранная экстракция — экстракция с использованием жидких мембран, состоящая из твердой матрицы-носителя, пропитанной органическим экстрагентом.

При мембранной экстракции неорганических веществ в качестве жидкой мембраны используют органическую жидкость, содержащую экстрагент-переносчик, которая разделяет исходный и реэкстрагирующий водные растворы. Этот метод позволяет эффективно извлекать радионуклиды из водных растворов. Примером может служить экстракция на квазижидких импрегнированных стабилизированных мембранах с липофильными экстрагентами, применяемая для селективного

извлечения ^{90}Sr и ^{137}Cs из водных растворов.

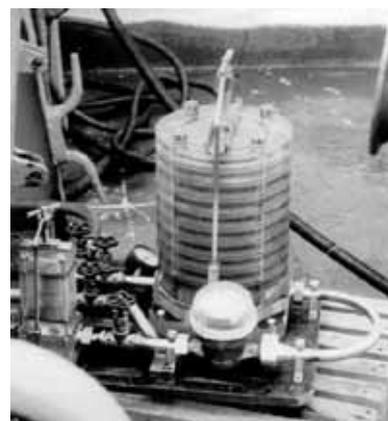
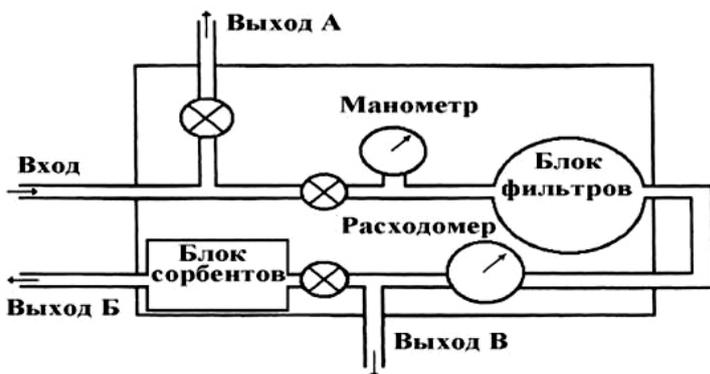
Для анализа природных вод на присутствие в них радионуклидов использовали мембранно-экстракционные диски, МЭД (микрокапсулы, заполненные реэкстрагирующим раствором со стенками из импрегнированной жидкой мембраны, содержащей в порах

гидрофобной подложки липофильный селективный комплексон – переносчик курьерного типа). Это простые устройства для селективного извлечения радиоактивного металла из воды. Макрокапсула размером и формой с мелкую монету представляет собой микрорезервуар со стенками из импрегнированной жидкой мембраны, содержащей в порах гидрофобной подложки липофильный селективный по отношению к анализируемому металлу комплексон. В полости резервуара содержится реэкстрагирующий раствор. МЭД, размещённый в потоке анализируемой воды, селективно экстрагирует из неё металл, который накапливается во внутреннем реэкстрагирующем растворе. Поглощения металла МЭД пропорционально его концентрации в окружающем растворе. Анализ количества радионуклида, поглощённого мембранно-экстракционным диском, выполняется традиционными методами после его вскрытия, либо радиометрированием его без разрушения, с возможностью дальнейшего использования.

Извлечение некоторых радионуклидов из морской воды проводят методом ионообменной хроматографии. Установка располагается на борту судна, через неё непрерывно прокачивается забортная вода. Вода пропускается через этажерку из фильтров, в которой чередуется слой бумажного фильтра типа и слой петряновского фильтра. Сорбентом ^{137}Cs служат гранулы на основе ферроцианида.

Эффективный способ выделения из вод природных водоёмов α -, β - и γ -излучающих радионуклидов (^{137}Cs , $^{89,90}\text{Sr}$, ^{239}U , ^{232}Th и др.) основан на соосаждении растворенных радионуклидов в процессе осаждения золя гидратированного диоксида титана, и отделении коллоидной фазы путём мицелло-тангенциальной ультрафильтрации с использованием изготовленных "in situ" динамических мембран на основе золя TiO_2 . В этом методе степень концентрирования в 30,50 раз выше, чем при обычном процессе осаждения-фильтрации, а продолжительность единичного цикла очистки в несколько раз ниже.

Простой способ определения концентраций Pu(IV) и Pu(V)+Pu(VI) в природных водах основан на разделении различных состояний окисления соосаждением со фторидами РЗЭ. Метод отделения Np(V) от Np(IV) или (VI) в нейтральном растворе на силикагеле, где Np(VI) и Np(IV) являются сильно, а Np(V) слабо адсорбированными, используется в условиях больших объёмов воды и при малых концентрациях.

Установка типа РАПАН, предназначенная для извлечения из морской воды и концентрирования ^{137}Cs .

Генетически связанные радионуклиды $^{90}\text{Sr}+^{90}\text{Y}$, (чистые β -излучатели) измеряют на борту судна, пропуская морскую воду через черенковский детектор. Для предотвращения биолюминесценции планктонных организмов в чувствительном объёме детектора морская вода очищается фильтрами. $^{90}\text{Sr}-^{90}\text{Y}$ в морской воде иногда предварительно концентрируют пропуская морскую воду через две последовательно соединённые колонки, заполненные PbS/SiO_2 и YF_3/SiO_2 .

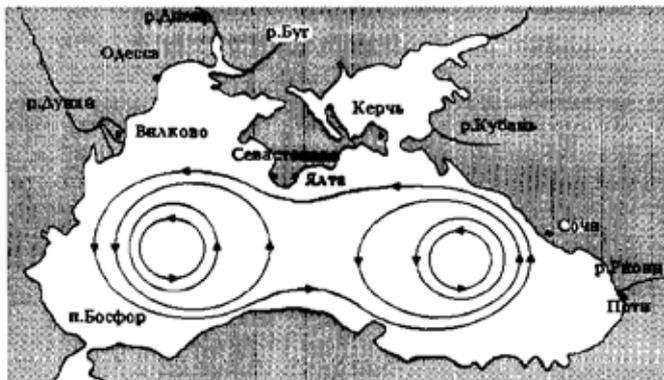

СХЕМА ТЕЧЕНИЙ В ЧЕРНОМ МОРЕ

отсоединение колонки с YF_3 , элюирование ^{90}Y смесью 20% $\text{HNO}_3+5\%\text{H}_3\text{BO}_3$ с последующим измерением активности ^{90}Y в полученном растворе по интенсивности черенковского излучения. Для устранения влияния ^{210}Bi используют концентрирование его PbS . Методика позволяет определять ^{90}Sr по интенсивности черенковского

излучения дочернего ^{90}Y , сконцентрированного на YF_3 , без предварительного элюирования. Контроль за содержанием радионуклидов в воздухе осуществляется продувкой большого количества воздуха через петряновский или мембранные фильтры. α -, β и γ -Радиоактивность проб воды, донных осадков и аэрозолей измеряют в радиохимической лаборатории на борту судна. С целью идентификации элемента и его радиоактивного изотопа измеряют кривые распада и γ -спектры (однократно, или через некоторые интервалы времени).

Морские радиохимические исследования позволили обнаружить много интересных явлений. Оказалось, что радоновые источники Хосты продолжаются и под водой, причём до довольно больших расстояний от берега. Грязевые вулканы в районе Кубани, помимо радона-222 выбрасывают и радон-220 (торон), а грязи содержат довольно большие количества тория. Ещё больше тория в чёрных песках на пляжах Мариуполя и Бердянска. В Мариуполе в воде скважин, в подвалах и стенах некоторых домов имеет место аномально высокое содержание радия и часть довольно большие поступления радона в помещения. Анализ многолетних флуктуационных колебаний радиационного фона в Мариуполе обнаружил тесную связь с колебаниями температуры, давления, абсолютной и относительной влажности, направлением и скоростью ветра. Определены параметры этих взаимосвязей и дано предсказание дальнейшего развития колебаний радиационного фона. Измерены статистические характеристики зон смешения вод различной солёности, а так же смешения морской и пресной вод (Керченский пролив, Устья рек Риони, Дуная, Днепра, Дона, Волги, Урала и Терека. Обнаружено повышенное содержание урана в реке Риони. В довольно больших количествах радон содержится в подводных выбросах метана в районе нефтяных промыслах Азербайджана. Интересны процессы отложения радия в заливе Кора Бугаз Гол. Измерение сдвигов радиоактивного равновесия позволило определить возраст различных типов аэрозолей. Изучены процессы выпадения в осадок и обратные процесс возвращения их в биоту, тяжёлых радиоактивных металлов (выбросы при Чернобыльской аварии). Обнаружены и прослежены ареолы рассеяния (вплоть до пляжей Болгарии)

радиоактивных веществ, поступающих по Дунаю (возможно - следствие работы Румынской АЭС). Отслежено движение радионуклидов по водной системе: каспийское море - река Волга - Цимлянское водохранилище - Волго-Донской канал - река Дон - Азовское море. Концентрации и состояния различных техногенных радионуклидов из измерены на всём побережье СССР и некоторых прибрежных территорий соседних стран. Обнаружено аэрозоли (горячие частицы) чернобыльского происхождения, в течение десятилетия прибывающие в атмосфере. В целом ряде рыб, крабов, планктоне и водорослях измерены концентрации природных (уран, радий) и техногенных (третий, стронций, цезий, плутоний) радионуклидов. Измерены потоки радиоактивных веществ по проливам Босфор и Дарданеллы и в обратном направлении. Предложена схема баланса радионуклидов в бассейне Чёрного моря. Определены основные процессы миграции радиоактивных веществ.

Пробы донных осадков отбирали специальным "копьем", удерживающим жидкую фракцию при подъёме её на борт.

По результатам морских радиохимических экспедиций МГУ, написаны отчёты, сделаны доклады на международных и отечественных конференциях. Однако, основная информация была запрещена к публикации в

открытой печати. Морские исследования в некоторой мере отражены в моём учебнике Радиохимия, том 6: экологическая радиохимия и радиоэкология.

МОРСКИЕ РАССКАЗЫ

*Мы обветрены,
Мы просолены,
Нам шторма нипочём,
После плавания
В тихой гавани
Вспомнить будет о чём.*

Чистое искусство

Великое дело - БМП - большая морская травля. Собачья вахта, четыре часа ночи, торчим на рейде, накат, мутит и к горлу подступает. Сидим и травим речи. Несколько случайных баек и вот центральная тема найдена. Понеслось! Тянуть, путаться в мыслях невозможно. Сразу заткнут. Ведь у каждого - десяток историй. Одна интересней другой. И все по теме. Рассказывать приходится четко, сюжет завивать лихо. По всем правилам гармонии: завязка – кульминация – развязка - эпилог. Все происходит с рассказчиком лично. Он - герой. Было - не было - плевать. Чистое искусство, но без занудства. Не дай заснуть! Бывало, за три минуты излагался весь фильм, включая сюжет, идею, игру актеров и модернизм режиссера. Рассказчик сам и автор, и актер (все изображено в лицах!). Неважно, что среднее образование получить не удалось, мастер, не закрывая рта, продержится весь рейс, не повторившись.

Учись, аспирант, доклады делать.

Ты думаешь, я тебя байками тешу, потому как профессор? Меня методическая комиссия этому учила? Нет!

Я прошел школу БМП!

Романтик

Капитан, в ярко-зелёных семейных трусах с вываливающимся из них пузом, выплывает на палубу и принимает позу Ильи Муромца. Рука над бровями. Внимательный осмотр ровной глади порта и сурового, покрытого барашками моря за пирсом. Задумчивый взгляд на захлебывающийся флюгер и рвущийся вымпел.

- Хорошо!

- Что хорошо?!

- Ветер свищет, на море шторм. А ты стоишь в укрытии и ни хуя тебя не еб@т

Сухое купанье

Пройдя экватор, мы спустили воду из бассейна, почистили его, смазали автолом и улеглись вокруг глазеть на Южный Крест. На палубу стремительно выпрыгнул Кэп. Уже в плавках. Лихо оттолкнувшись, он воспарил ласточкой и нырнул в бассейн. Мы переглянулись: во дает! Наконец, Старлей поднялся и осторожно заглянул вниз.

– Ну, как там, Ихтиандр вы наш?!

– Засужу, сволочи!

Много морей и океанов проплавал Кэп. На наших судах и ихних. Но везде его звали Ихтиандром.

Универсальное судно

Корабль (или, как теперь принято говорить на флоте, пароход) «Эксперимент» - посудина оригинальная. Бывший черноморский траулер, переделанный под научно-исследовательское судно (НИС). Тип: река-море. Двигатель - от танка Т-34. 13 человек команды и 5 человек - экспедиция. Какой-то большой ум с геофака придумал расположить на нем буровую установку. С этой целью удлиннили и расширили корму. При попытке установить буровую, корабль накренился,

собираясь перевернуться и затонуть прямо у пирса. От буровой отказались, но остойчивость порушили. Стоит теперь случайной волне дать под зад (имеется ввиду - под корму), как корабль зарывается носом. Качка на нем начинается от проходящей весельной шлюпки. Бывало, выходишь на корабельную сторону севастопольской бухты. Вода - как зеркало. Лес мачт. Задача: найти «Эксперимент»? Ерунда! Смотри, какая мачта качается – та и твоя. Удобно! Однако ходить на таком НИСе - удовольствие ниже среднего. Так кидает, что морские волки начинают травить, а из аппаратуры блоки вылетают.

Однако потопить его трудно.

И когда он, беленький, летит по синим волнам, смотреть любо-дорого.

Особенно - с берега.

Я, Ольга, В. Овчаренко и С. Синьков.

Сухой закон

В сухопутные экспедиции я обычно прихватывал канистру спирта. Так, литров 8 – 10, не больше. И всегда находил понимание на судне. Так я поступил и в этот раз. Приехали в Севастополь, взошли на борт «Эксперимента». Знакомимся с начальством, обсуждаем маршрут, а заодно и вечер встречи. Тут старпом отводит меня в сторону и говорит: «Конечно, мы проведем в кают-компании встречу экипажа с экспедицией. Дело нужное, поговорим, поужинаем. Но учтите – на судне сухой закон! Выпивки – ни - ни!»

Ладно, ни – ни, так ни – ни. Их нравы! Разбираю в каюте вещи, заходит боцман:

Хочу вас предупредить, на судне – сухой закон.

– Знаю! И мы не алкоголики.

Но по-настоящему меня удивил палубный матрос, который ни к селу, ни к городу, то же заговорил о вреде пьянства. Во попал! Заповедник трезвенников какой-то. Не к добру! Чем же теперь стимулировать морских бродяг?!

Настал вечер, собрались мы в кают-компания, обменялись с кэпом приветственными речами, познакомили коллективы, рассказали, куда и зачем плывем. На этом торжественная часть кончилась, сидим, жуем. А ужин: селедка, картошка, огурчики малосольные, помидоры ... И в кают-компания повисает некая эманация, что все хорошо, мужики здоровые, погода теплая, еда вкусная, а вроде чего-то не хватает. И чего-то весьма существенного. Не по-людски как-то, даже как-то не по-украински (я уж не говорю – не по-русски!) С сухомятки ж можно помереть!

Я решил:

– Кэп! Извини, я молодой, в море первый раз. Слышал, однако, что в тропиках каждому члену экипажа положена бутылка сухого вина. А для нас, северян, Крым – как тропики. Разреши по сухонькому.

Логика кэпу показалась железной. Разрешил.

Доставили сухонького, народ оживился, пошли разговоры, морская травля. Жизнь встала на место. Вот и спирт сам собой появился. Пошли по восходящей. Где-то в два часа ночи я удалился на покой, а братанье продолжалось.

...Утром выхожу на палубу. Из кучи концов выползает боцман. На него больно смотреть.

– Начальник! – говорит он мне, – не в шутку, а в дружбу. Плескани сто грамм на опохмелку. Погибаю!

Я спустился в лабораторию, открыл сейф, открутил крышку канистры и аккуратно наклонил ее над кружкой. Вылилось несколько капель...

Считать умеете? 9 литров спирта, это больше 20 литров водки, 40 пол-литров. Нас – 15 человек; две тетки, старпом и аспирант-язвенник не в счет. Сколько вышло на рыло?

Вот это и есть сухой закон по-флотски!

Я освещаю путь.

Должность женщины

Планируя очередную морскую экспедицию, я составляю штатное расписание. Ну, там начальник рейса, научный сотрудник, радиоинженер, лаборант и женщина. Работать даме не надо: приборы мы таскаем сами, пробы воды сами берем, радиоактивность мерит счетчик, он же отправляет данные в компьютер, еду готовит кок, а белье в стирку сдает боцман. Поэтому обязанность у нее одна – быть женщиной. Должностные инструкции я пишу для всех, кроме нее – сама определяй круг своих обязанностей. Она и определяет. В меру фантазии. И надо сказать за много лет экспедиционные дамы продемонстрировали нам широкий

диапазон представлений о том, что это такое – должность женщины...

Комплектуется экспедиция на кафедре радиохимии, где сотрудники – почти одни мужики. Редко какой завлаб обзаведется молодой лаборанткой. Вот и ходишь кругами вокруг удачливого шефа: позволь покатасть сотрудницу. Бесплатный курорт, Черное, Азовское, а то и Эгейское моря, солнце, вино, фрукты. Морские купанья! Да после такого она год бесплатно работать будет. А нам без дамы никак нельзя: без женщины на пароходе воцаряются казарменные нравы, ученые пастают в чем мать родила и на палубу писают. И мат-перемат, к тому же. А это не хорошо – марка МГУ страдает.

- Хорошо! – говорит Шеф, – но вернете, какую взяли.

Условие, конечно, кабальное. Но что делать? Соглашаемся.

Правда, в последнее время конкурс среди дам возрос, и один начальник уже предложил пространство альтернатив:

Вернете, какую взяли, или довольную!

Вот это – другое дело. Это мы, пожалуй, можем.

НИС «Эксперимент» бодро движется по заданному курсу. Море спокойно, сияет солнце, по громкой связи – Бони Эм. На палубу выходит Ольга. Вся в купальнике, на плечах – полотенце. Вахта и члены экспедиции делают стойку.

– Дед!

Крышка люка приходит в движение и отлетает в сторону. Из преисподней возникает чумазый стармех. Вокруг головы он крутит веревку, с привязанным к ней термометром. Бросок и градусник летит в воду. Через три минуты:

– Плюс девятнадцать!

Дама отрицательно и грустно качает головой.

– Курс зюйд!

И куда бы ни шел пароход, он сворачивает на юг. Ольга снимает полотенце и укладывается в катер загорать. Через пару часов она полностью сторает, начинает шевелиться и, наконец, встает.

– Дед!

Вновь отлетает крышка люка, вылезает механик, раскручивает лассо и кидает его за борт.

– Плюс двадцать один градус!

Ольга утвердительно кивает.

– Лечь в дрейф!

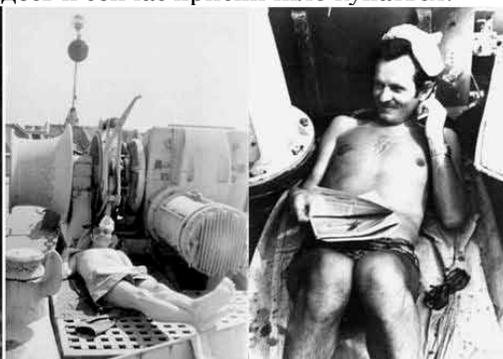
Я освещаю путь.

Корабль останавливается. Счастливый случай. Ведь начальнику рейса остановить пароход трудно, практически невозможно. Команда терпеть не может стопорить движок. Вам тут же покажут тучку на горизонте, предвещающую ураган, механик расскажет сказку о стучащем правом шпинделе, штурман доложит, что мы в зоне, закрытой для судоходства (пора убираться). Но просьба женщины (пусть даже кивок) – закон. Пароход ложится в дрейф. Экспедиция приходит в возбужденье. Летят за борт погружаемые датчики, батометры, дночерпалки.

Пользуйся моментом! Наука не ждет.

С кормы спускают трап. Палубный матрос привязывает спасательный круг к концу и кидает его за борт. Ольга забирается в спассредство и, болтая ногами, плывет в Турцию. Канат кончается, матрос выбирает его. Вновь Ольга у борта и вновь направляется вдаль. Так она осциллирует час. Вахтенный выбирает-гравит канат. Святая обязанность!

Потом, в Москве, я обосновываю выбор именно этих координат для отбора проб и проведения комплексного исследования. Пишу: «в географической точке анализа восходящее течение приводит к смешению вод различной солености, что, в свою очередь, изменяет химическое состояние некоторых радионуклидов, в частности – плутония. Поэтому...». В самом деле, не могу же я написать в научном отчете, что даме здесь и сейчас приспичило купаться!

Наши обязательства

Получив приглашение в рейс, молодая кандидатка долго сомневается. Советуется с подругами. Те пугают: солнечные ожоги, качка, но главное – мужики. Пятнадцать оголтелых матросов, да и наши на воле не лучше. Всего двадцать! Ведь ты же будешь девочкой про все! Не справишься – пропадешь.

Сомнения большие, но и соблазн велик.

Эх, где наша не пропадала? Еду!

Первые впечатления соответствуют прогнозам. Действительно, двадцать здоровых загорелых мужиков балдеют от безделья. В воздухе: *«Я сегодня очень, очень сексуально озабочен»*. Разговоры про баб. Кто, когда и сколько. Трапы крутые, люки тесные. Спокойно не пройдешь, так и норовят помять или потискать. Приходится жаловаться начальнику рейса. Тот наводит порядок. Но дама напряжена. Смотрит внимательно и прикидывает, кто ее первый трахнет. Стоит ли отбиваться, а если стоит, то, как и чем?

Однако проходит неделя и ничего не происходит. Мужики капризы в меру удовлетворяют, слегка кадрятся, прогуливают по базарам, но не более того. Время идет. Дама мается: на палубу нельзя – вся сгорела, тело в волдырях, кефира нет, в кубрике тесно, душно и одиноко (это – в штиль, а в качку все хуже), в кают-компани – пошляки с гнусными анекдотами. Детектив прочитан. Куда податься? Скучно! До берега далеко... Но главное, почему все пассивны? Она что,

уродина какая?! Все же двадцать мужиков всех возрастов и темпераментов. Могли бы заинтересоваться. Да, она боевая подруга. Но ведь и женщина же! Девушка про все? Где это все? Ни чего же нет!

На четвёртую неделю дама выделяет одного-двух и сама начинает ухаживать. Мужики – в кусты. Какая-то сила отражает ее обратно в центр внимания всего общества. Странно это. Дама теряет сон. Что-то с ней не так!

Снятие спектров в полуавтоматическом режиме.

Бедняжка не врубается в ситуацию. А та предельно проста. Известно - женщина на корабле – опаснейшая вещь. Куда опасней снаряда или там гранаты. Пока она ничья – она общее достояние. Как ваза с цветами в кают-компании. Каждый может любоваться. Но если кто-то уволочет вазу в кубрик, мало ему не

покажется. Палуба скользкая, можно и за борт смайнаться. Поэтому мужики внимательно следят друг за другом. Каждый предупрежден о последствиях. Да и виноград зелен.... Не больно-то и хотелось.

Сильные локальные поля нейтрализуют друг друга. Дама в полной безопасности. Могу успокоить её шефа: вернём какую взяли.

Пусть даже недовольную!

Клевета и наговор

Клевета - страшное дело. Вполне согласен с Дон Базилио.

В Керчи пообщались с Рыбаком. Получили в презент ведро хамсы. Продели лески сквозь жабры и развесили вдоль парохода сушиться. Однако в процессе сушки рыбка стала пропадать. Сначала незаметно, но потом нас стало много, а ее мало. Причем головы рыб на лесках висят, а остального нет. Откусано! А кто у нас кусается? Барсик!

Утром выползаю на палубу. А там скандал. Пса сослали на корму. Боцман несет его по кочкам, как повар - коту Ваську. Все верно: поймали с поличным (с хвостом в зубах).

Не отвертеться! Вот и сиди теперь в катере, как арестант.

Однако подойдем к делу не с юридической, а с физической точки зрения. Рыбы висели на переменной высоте, со средним расстоянием от палубы два метра. Барсик имеет в холке 30 см. На задних лапах - 80 см, ну пусть - метр. А где еще один? Прыгать, конечно, умеет. Но ведь он не артист цирка! Да и где тут возьмешь разбег? Чтобы сожрать сто пятьдесят рыбок - нужно летать как птица. Кусаясь на лету.

Ох, оговорили пса, оговорили. Хорошо, что сейчас не тридцать седьмой год, а то бы вообще за борт выслали.

Дорогие гости

Зашли мы как-то на «Эксперименте» в Сочи. Причалы были заняты и мы пришвартовались к борту большого научно-исследовательского судна, идущего под флагом военной гидрографии. Надо сказать, особого внимания мы на этот факт не обратили. Занимаемся своими делами, бреемся, брюки гладим – готовимся к вечерней прогулке по городу-курорту. Тут в каюту стучат и торжественно объявляют:

Делегация с «Виктора Бугаева».

Оказалось – коллеги, тоже меряют радиоактивность, только в дальних морях-океанах. У нас им понравилось: мило и уютно. Все свои, все рядом. Никаких дрызг. Позавидовать можно. Пригласили к себе.

Кто бы спорил!

Стемнело, когда поднялись к ним на борт. Пароход огромный. Большие залы – лаборатории, уставленные анализаторами и прочей радиометрической аппаратурой, мощные передатчики. Более всего поражали две электронно-вычислительные машины БЭСМ-6, размером с дом каждая. Да! Это вам не микрокалькуляторы на борту «Эксперимента». Мне лично

приглянулась каюта начальника рейса. Трехкомнатный гостиничный номер, с холодильником, телевизором, туалетом и огромной кроватью (надо говорить – койкой) под балдахином. Как у падишаха: зхз.

В этой каюте мы и собрались. Хозяева достали ящики с мадерой и началась большая морская травля.

– Что вы делаете в этих краях? – с явным пренебрежением спросил меня местный начальник рейса.

– Вас проверяем!

– Не понял?!

Я объяснил, что их военные методики давно устарели, а у нас современные. Поэтому мы ходим за ними и проверяем ту информацию, которую они докладывают

центру. При расхождении сообщаем куда надо. Сказанное взволновало собравшихся. Возникла бурная дискуссия. Вели они себя агрессивно. Что было смешно: у нас пять сотрудников, у них сто семьдесят. Впрочем, нас мало, но мы в тельняшках. Мы не отступали, а нападали. Постепенно дискуссия перешла в мирное русло и пошла по существу.

Уже начало светать, когда кончились ящики с мадерой. Пора на горшок и в койку. Мы попрощались и начали спускаться. Старпом у трапа смотрел в глаза каждому из гостей, крепко жал руку и говорил прочувствованно:

– Спасибо, что без скандала!

Пожатие руки.

– Спасибо, что без скандала

– Спасибо, что без скандала.

– Спасибо, что без скандала

Замуровали!

В Севастополь поезд пришел рано утром. Дальше – пешком. Обогнули часть бухты и затащили вещи на НИС «Эксперимент». Оказалось, что выход сегодня. Надо было быстро обустраиваться. Я пошел заниматься лабораторией, а Ирину Михайловну с Валерием Николаевичем отправил на базар, затариться вином и фруктами. ИМ торговалась и платила, а ВН тащил груз. Они закупили все, что нужно, и возвращались на пароход. Шли, болтали. ВН оборвал речь на полуслове. ИМ обернулась. Валерий балансировал на крышке канализационного люка. Но недолго, крышка встала ребром, и ВН рухнул в колодец. Чтобы спастись, он ударил сеткой, полной винограда, об асфальт, а сам навалился на авоську со сливами. Тщательно отобранные фрукты мигом превратились в компот. Вдали помирали со смеху ребяташки, устраивающие капкан на рассеянных прохожих путем сдвига крышки люка. Шутка у них такая.

ИМ помогла выбраться ВН из люка, но не скрыла своего разочарования в манере его обращения с припасами.

Да, ты не меня пожалела, - тянул он в каюте, где Ирина Михайловна смазывала ему ссадины йодом, - Ты фрукты дурные пожалела!

Но правильно говорила моя подруга: «Наступить на канализационные люки – дурная примета».

Мы же монтировали оборудование, крепили датчики, пересчетки и анализаторы. Верхней лабораторией я занимался сам, а в нижнюю назначил старшим аспиранта Колю. Поскольку на море качает, рекомендовал всё самым тщательным образом привязать. Особенно корпуса детекторов, которые мы заключаем в свинцовые оболочки. Поскольку свинцовые домики весят много, мы их с собой в экспедицию не берем. Вместо этого используем высокий металлический стакан, по центру которого размещаем датчик излучений, а все оставшееся пространство засыпаем дробью, желательной мелкой, 7 – 9 номер (бекасинник). Дроби приходится брать килограммов сто, но она расфасована в мешочки по килограмму, и в расчете на студента получается немного. Коля мои рекомендации слушал рассеянно: «Дело Шефа – приставать с глупостями, а наше – пропускать мимо ушей».

Изредка заходил ВН и, делая страшные глаза, пугал ИМ:

– Капитан сказал: будет страшный шторм! Страшный шторм...

Но Ирина Михайловна, хоть и впервые шла в рейс и впервые была на «Эксперименте» шторма особо не боялась. Волновало другое. Ее поселили в небольшой каюте за лабораторией. Чтобы попасть в спальню, надо было пройти две двери: сначала через дверь из коридора в лабораторию, затем, пройдя лабораторию, уже непосредственно в ее каюту. Дверей было две, но ни одна не запиралась. Поскольку она была единственной женщиной на пароходе, а мужиков – 17, то запирающиеся двери она считала полезными. От ее требований я отмахнулся. Не до бабьих

капризов...

У меня свои проблемы. Назначили нового капитана. Он на «Эксперименте» еще не был ни в одном рейсе. А наш корабль – творенье университетского ума – имел свой норв. Да еще какой!

Поскольку действительно было штормовое предупреждение, мы приняли меры: привязали все, что можно и плотно задраили иллюминаторы, закрутив гайки разводным ключом. Постояли на палубе, любуясь Севастопольскими фортами, исчезающими вдаль, выпили по стакану и пошли спать. А что еще делать в ночь и в качку?!

Качало сильно. Как я и опасался, новый Кэп, всю жизнь прослуживший на флагмане китобойной флотилии «Слава», не воспринял рекомендации по вождению «Эксперимента» и сейчас срезал угол, держа прямо на устье Дуная. Но наш пароход такого не допускал – он любил придерживаться берега, сканируя бухту за бухтой, украдкой проскакивая мысы. Поэтому, если на килевой качке я просто катался с боку на бок, то при бортовой – регулярно вставал на голову.

Плавание в чистом море не выдержала даже тумбочка: на каждый крен она реагировала пушечным ударом дверцы. Очень хотелось встать и уgomонить ее. Но было лень подниматься. Наконец, лежавший (катающийся по...) на верхней койке ВН что-то сделал, тумбочка заткнулась, а я заснул.

Проснулся я от страшного грохота – удар снаружи и серия внутри. Чуть было не слетел с койки. Килевая качка резко сменилась на бортовую. Двигатель недовольно взревел, пароход завибрировал. «Меняем курс» – понял я. Нужно подниматься: во-первых, узнать – куда это мы полетели на всех парусах, а во-вторых, проверить аппаратуру – не каждый анализатор импульсов выдержит такие удары судьбы. Заодно проверить, не хочет ли организм поплевать или как еще опорожниться.

Я протянул руку, но на тумбочке одежды не было. «Смайналась!» – подумал я, – «черт с ней». На дверце тумбочки, однако, что-то висело. В полной темноте нацепил это что-то как штаны и полез по трапу наверх. С трудом справившись с люком, влетел в кают-компанию. Горели аварийные огни. Стеклобанка, недавно наполненная водой и цветами, в виде осколков валялась под столом, а мозаичная картина: «Михайло Ломоносов основывает МГУ» качалась на одном гвозде. Пролетев кают-компанию (частично по полу, частично – по стене), попал в тамбур. Здесь я взвился в воздух, решая две задачи: не наступить на Барсика, спящего вокруг открытого люка в машинное отделение, и не упасть в тот же люк. Маневр удался и, получив люком под зад, я вылетел на палубу. Тут была своя стихия. Для начала я оказался по пояс в воде. Мощная волна врезала в лицо. Только отшатнулся, как получил второй по затылку. Достигнуть галюна было нельзя, да и ни к чему. Пописав, где стоял, я рванул назад. В кают-компанию осмотрел себя и обомлел. Одет я, оказывается, в свои выходные костюмные брюки. Единственные! Это Валера, чтобы укротить тумбочку, снял с вешалки первое, что попало, метнул вниз и заклинил дверцу. Дрыхнет себе теперь, а в чем я буду гулять по Вилкову, не говоря уж о Стамбуле?!!

Побрел в лабораторию. Однако дверь была заперта. Постучал – никто не ответил. «Во, ушла тетка» – подумал я, - «Сумела запереться». Полез в нижнюю лабораторию. Там в неверном свете ночника ползал и прыгал аспирант Николай. Датчик, вместе с защитой, слетел со штатива и дробь, натурально, высыпалась. Теперь она с грохотом носилась по полу, как прибой, ударяясь о стены. Николай с ведром прыгал за ней и ловил. «Так, в следующий раз будем слушать советы Шефа», - удовлетворенно констатировал я, поднимаясь в каюту кэпа. К моему удивлению кэп пребывал в позе рака. И ловил осколки. Он был на мостике, когда шальная, неведомо откуда взявшаяся волна, ударила прямо в борт парохода. Все, что могло слететь с насиженных мест –

слетело. Упорядочив рубку, кэп побежал к себе. На первый взгляд все было в порядке. Дверцы буфета закрыты. Но на ковре лежал вдребезги разбитый сервиз. Праздничный! Извлекаемый ради

именитых гостей. Волна вдарила, дверцы раскрылись, сервиз вылетел, дверцы захлопнулись. Вроде как и не открывались. Теперь надо собирать остатки, пока никто видел. Дело тут не в материальных ценностях. Что это за капитан, у которого сервиз сам собой бьётся. Тем более проплававший с нами десяток лет и переживший бури попоек. С этого момента Кэп стал что-то понимать в «Эксперименте». Курс сменили на 90° и теперь неслись к берегу, в попытке укрыться в ближайшей бухте.

Я проснулся в полной тиши. Корабль мерно покачивался и

скрипел якорной цепью. Подобрал с палубы одежду, пошел осматривать владения. У двери лаборатории возились матросы.

Люк заклинило, – объяснили они мне, – не знаем, что случилось.

За дверью что-то скреблось и попискивало.

Пришлось перейти к решительным действиям. Вылезли на верхнюю палубу, взяли Жеку за ноги и спустили вниз головой вдоль борта. До уровня лабораторного иллюминатора.

Холодильник к люку привалился! – доложил лазутчик.

От удара волны, здоровенный холодильник слетел со своего законного места и обрушился на люк. Фрукты все же донесенные Валерием Николаевичем, высыпались из холодильника, и потекли под его прессом. Вот и посылай сотрудников за закуской!

Теперь стали действовать сообща. Внутри лаборатории Ирина Михайловна подручными средствами пыталась сдвинуть машину с места, а мы уже осознанно напирали снаружи. В конце концов, удалось просунуть гаечный ключ, ИМ отдраила иллюминатор, Жека в него влез и сдвинул холодильник. Путь в лабораторию был открыт.

Ночью же события развивались так. Качка на ИМ особо не подействовала. Но спать не давал постоянный грохот на крыше. Это две двухпудовые гири боцмана, топая, гуляли от борта к борту. ИМ тоже ощутила удар в борт волны и тоже решила посетить лабораторию. Однако не тут-то было. Стул запер дверь из ее спальни в лабораторию. Ирина Михайловна не растерялась: взяла дыхательную трубку для подводного плавания и, действуя ею как фомкой, постепенно выдавила ножку стула из ручки двери. Так удалось попасть в лабораторию. Там все было в порядке, приборы не отвязались, но холодильник встал в распор – верхом упирался в выходную дверь, а дном – в наружную стену. Сдвинула она его лишь частично. Не приди мы на помощь, так бы и сидела в карцере. Без ключа окно не откроешь, а без лома холодильник не сдвинешь.

А мне всю ночь пришлось соображать, как же она сумела запереться?!

Коммерческий детектив

На НИС «Эксперимент», отправляющийся в Турцию, Валерий Николаевич явился с ящиком простых карандашей.

– Бизнес! – объяснил он, – на Западе с руками оторвут. Цена – доллар штука. Дубленки на доходы скупим, в Москве продадим - обогатимся.

– Не уж-то доллар за простой карандаш?! – усомнилась Ирина Михайловна со скепсисом директора ООО.

Тут Валерий Николаевич приоткрыл ноу-хау. Гениальность идеи базировалась на тонком знании особенностей родного производства. В забугорных карандашах грифель никакими силами не выдавишь. А в наших – запросто. А если грифель удалить, то получится удобная трубочка, через которую удобно вдыхать наркотик. В том, что турки поголовно наркоманы, он не сомневался.

Перед выходом в рейс, на пароход явились пограницы с таможенниками. Вызывают меня в лабораторию и спрашивают о назначении каждой детали нашей радиометрической аппаратуры. Чувствуется, что им очень хочется все разобрать и залезть внутрь. Но воздерживаются. Наконец, вытаскивают ящик с карандашами.

– А это еще зачем? – спросил таможник.

Я, сам удивлённый обилием товара, стал объяснять.

– Наши детекторы регистрируют только тепловые нейтроны. А в природе, в основном – быстрые. Нам их приходится замедлять. Графит – эффективный замедлитель. Вы ведь слышали, что в ядерных реакторах используется графит. Вот и мы его применяем для замедления и последующей регистрации нейтронов. Расход карандашей большой. Ящик в месяц. Поди на рейс не хватит.

Для наглядности, я продемонстрировал, как прекрасно шестигранные карандаши укладываются вокруг цилиндрического детектора и скрепляются резинкой от волос.

– Все понял, – сказал таможник.

Выход разрешил.

В Стамбуле ВН потащил ящик через бухту Золотой Рог на базар, что картинно расположился у входа в Университет. Базар восточный, роскошный. Торгуют всем. Но наши карандаши никто не берет. Нет рекламы! Вечером пришлось тащить карандаши обратно. На

следующий день стали предлагать ящик во все встречавшиеся на пути лавочки, торгующие канцелярскими принадлежностями, конфиденциально объясняя всю потенциальную ценность российской продукции. Никто не реагировал.

Уже в конце стоянки, на толкучке перед портовыми воротами один турок предложил обмен: ящик карандашей на дюжину пакетов с женскими трусиками – «недельками». Валерий Николаевич, как человек скептический и недоверчивый, поинтересовался размером.

– На нашу даму пойдут? – предъявил Валера Ирину Михайловну турку.

– Разве это дама! – поразился тот, – вот дама-мадам!

Он показал на десятипудовую тетю.

Чейнж состоялся. Вернулись мы в Москву без дубленок, но с трусами. К сожалению, турок обманул, они годились лишь на девочек не старше двенадцати лет. Долго еще Валерий Николаевич ходил в гости и всем знакомым Лолитам дарил интимный предмет туалета.

Да, ребята, бизнес – не физика. Тут соображать надо!

Везде евреи

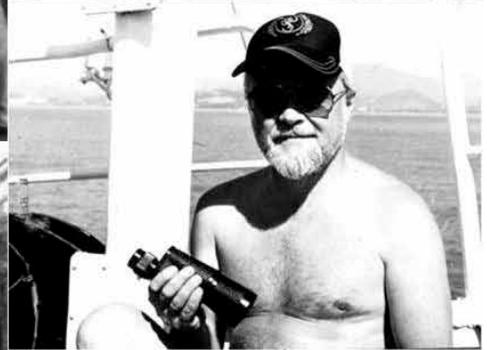
Старый моряк (нос сломан, зубы выбиты) выползает из трюма:

- Не пароход, а синагога. Одни жидаы: боцман, лоцман, Бекман (начальник рейса). И двадцать два гурмана.

"Московский университет" нас заправил водой и топливом, мы простились с ним ушли в Мраморное море.

Трудности роста

Быть длинным неудобно! Бедная голова вечно задевает за козырьки, сосульки, натянутые провода. В машине руль оказывается между ног и при маневрах прочно заклинивает в коленях. На полке вагона спать не дадут: бродячие пассажиры проводят носами по пяткам. Без очереди за бутылкой не проскользнешь. Но, главное, постоянное ощущение риска. Все время настороже, а все равно обо что-нибудь да треснешься. Быть маленьким, незаметным, компактным куда удобней.

Однако и у низкорослых свои проблемы. Беспечность расслабляет...

- Убрать нижнее белье с лееров! Входим в город-курорт Сочи, - раздалось по громкой связи.

Мы бросились наводить марафет и были вполне готовы, когда НИС «Эксперимент» миновал маяк и прикрепился к пирсу рядом с каким-то океанским лайнером. Мы выстроились в линию и зашагали в город. Нас было трое: Николай, я и Валерий Николаевич. Мы с Колей (рост у нас под метр девяносто) шли по краям, а в центре - Валерий Николаевич. Валерий Николаевич тогда еще был относительно молод, но носил густую седую бороду и поэтому казался намного старше нас (Он когда-то был моим студентом и аспирантом, но сейчас все думают почему-то, что, наоборот, я был его студентом-аспирантом). Был он с брюшком, но очень подвижен. Этаким гном из диснеевских фильмов.

На выходе из пирса нас ждала калитка без дверцы. Сверху, где-то на уровне горла, калитку перекрывала узкая полоска железа. С торца она была практически не видна, но мы смотрели сверху и видели ее хорошо. Оживленно болтая, и не снижая скорости мы с Колей резко согнулись пополам и нырнули в калитку. Валерий Николаевич, полностью уверенный в своей безнаказанности (он всюду проникал без проблем) продолжал движение с поднятой головой. Раздался мощный удар. Валера отлетел назад, красная полоса пересекла лоб.

Мы его, конечно, откачали, но прогулка в Дендрарий была испорчена.

Длинным быть плохо, но и коротким не лучше...

Прыжок

Долгое время ходили мы походами на маленьком «Эксперименте». Было уютно, но тряско. Все, однако, меняется. Причем – скачкообразно. Был Советский Союз, скрипел полегоньку, Бац!, сломался. На месте империи возникли удельные княжества. Каждое – со своей дурью, и со своим идиотом вверху. МГУ, естественно, тут же пострадал – все три корабля у него Украина отобрала. Не ради дела – из принципа. Через пару лет они сгнили у пирса.

Не съем яблоко, так хотя бы надкушу....

МГУ пришлось арендовать большие научно-исследовательские суда: Створ, Донузлав, Беллинсгаузен. Когда-то они ходили в Антарктиду, теперь – вдоль берега Черного моря, и то за акваторию Украины старались не вылезать. Ни топлива, ни работы, ни денег. Рады даже нам.

А у нас - своя морока. Тут уж маленьким кафедральным междуособойчиком не обойдешься. Экспедиция – 50 человек – их еще собрать надо. Причем летом, когда студенты, кто - в лагерях, кто – на практике. Пришлось объявлять авральный факультетский сбор, а затем и обще университетский. В результате поехал сводный отряд – с химфака, физфака и геофака. Я стал начальником всего рейса, а заодно – отряда химиков – экологов.

Проблемы начались еще в Москве. Севастополь – закрытый город (военная база), чтобы в него попасть нужно разрешение милиции. Обычно это не слишком серьезная проблема – пишем бумагу от факультета, ее визируют в МВД, и порядок. Однако тут забастовал начальник милиции «Кто, мол, я такой, чтобы давать разрешение на въезд в иностранный город, к тому же – военную базу. Тебе, часом, разрешение в Лос-Алomos не надо?!». «Ставь печать, не рассуждай. Чиновник везде бумагу уважит» - посоветовал я ему. Майор послушался и проблема решилась – украинские погранцы, завидев издали печать – дали добро. Но и славный шмон в вагоне учинили – штрафовали за все – даже за ввоз фотоаппаратов и видеоканн, не говоря о бутылках. Хорошо, что мы основную аппаратуру не взяли, а мелкие дозиметры попрятали по рюкзакам. Видок у славного воинства – вылитые члены банды батьки Махно. И прыгучесть та же...

Да, понастроили наши демократы (известные борцы за свободу) заборов, есть теперь через чего лазить.

Прибыли мы на корабль. По сравнению с «Экспериментом» - дворец на плаву. Три палубы, четыре лаборатории, специальная вертолетная палуба. В трюме – геофизическое оборудование (измерение флуктуаций магнитных, гравитационных и акустических полей) для определения подводных стартов баллистических ракет и локализации ядерных взрывов. Нам оно – ни к чему, а все равно – приятно. Важнее другое – каюты есть. Не кубрики многоярусные, а именно каюты, прямо как купе. Жить можно. А мне так досталась двухкомнатная каюта: гостиная, спальня, душ и туалет. Причем на третьем этаже, прямо над рубкой и каютой капитана. Вид – на все четыре стороны.

В Ялте "Донузлав" причаливал к парадной набережной. Прохожие заглядывали в окна наших кают.

Так что и развал СССР кому-то пошел на пользу...

Собрал я в первый раз членов экспедиции и осмотрел приобретение. Ох-хо-хо! Членов как раз немного, в основном – девицы. По виду не скажешь, что ученые будущие. Очки куда-то делись, мордашки покрыла косметика, джинсы куда-то слиняли – между ног веревочка и всё! Взгляд весел и вызывающ. Парни – аномально волосаты, очки со стелами в 10 диоптрий, из карманов – бутылки. Понял я – толканем мы скоро науку, причем – далеко.

Вам приходилось караулить мешок с блохами? Да! Тогда вам понятны чувства начальника студенческой практики...

Дали мы гудок, отдали швартовы, прошли ворота Севастопольской бухты и вышли в открытое море. Тут то и выяснилось, что идти нам некуда. Запасов у нас – можно обойти Черное и Средиземное моря по всему периметру, без каких-либо заправок. Но это все – ни к чему. Бродить на разрешено вдоль берега Крыма, да у устьев Днепра и Дуная. Вокруг же иностранные государства – туда нельзя. Свобода, бя!

Это при железном занавесе можно было гулять по свету, где пожелаешь, а при торжестве демократии сиди на месте. И радуйся. Только тихо...

Тут же выяснилась другая напасть: интересы у факультетов – существенно разные. Одним надо в чистое море – подальше от берегов, другим, наоборот, как можно ближе к берегу. Одним надо непрерывно идти, другим – неделями стоять на якоре, наплевав на качку. Одни ценят дни в море, другим хочется побродить по городам, посидеть в кафе-ресторане, или поваляться на песочке. Одним - работать, другим купаться. Причем начальники все горластые, все чего-то требуют. Да и экипаж не отстает, весь в претензиях: на камбузе работать не заставишь, лезят и спят, где не попадя, на стенах неприличные слова гвоздем выцарапывают...

Так что первую неделю я был при деле – мирил противоречивые интересы, так что в конце концов со всеми разругался. И уже всерьез подумывал о переходе на мордобой. Среди ученых это принято...

Однако ко второй недели все как-то друг к другу притерлось, я с мог заняться наукой, и, наконец, оглядеться.

Студенческие пьянки, весьма интенсивные в первое время, наконец, прекратились. И вовсе не потому, что кто-то завязал. Просто – выпивка кончилась. На «Эксперименте» такого казуса не случилось бы никогда, там члены экспедиции люди опытные и не то, что мало пьющие, а – запасливые. А здесь – зеленая молодежь, затарились каждый по три банки, и думает – хорош! Как бы ни так, они будут выпиты в три дня, а заходы в порты – раз в две недели. Бутылки же не падают с неба посреди моря-океана. Равно, как сигареты. Думать надо! Причем заранее. Студент же думать особо не приучен, вот теперь и виснет уныло на трапе – без вина и курева. Первое время еще можно, что-то выклянчить у экипажа, а потом всё – и у них кончилось. У меня, кстати, все есть. Но не дам – самому надо...

Пьянки – дебоши напасть известная. Известно и как с ней бороться. А вот интенсивное блядство – вещь новая. На малом судне – женщин или нет, или она – в одном экземпляре. Даже если она спит со всеми участниками рейса, и то это дело житейское. По взаимному согласию.

А тут 35 – девок, в практикумах застоявшихся. Когда их видишь на защите курсовых по аналитике, не можешь даже примерно оценить весь потенциал их эрот-накала. Оказывается – он огромен. Гормоны играют. Вопрос, какое мне дело кто с кем, когда и где спит?! В принципе – да, никакого. Но это только – на первый взгляд. Пока все в студенческом кругу, и все по взаимному согласию – пожалуйста, судно от общаги не отличишь. Но ежели – с экипажем, то дело меняется, причем – кардинально. Взрослые дядьки квалифицированно берутся за дело, дарят подарки, ухаживают, и спаивают, спаивают. А уж потом переходят к насилию. На утро тетка удивляется: «Она верила, она думала – все будет хорошо» (Она думала! Как же...). А ее обидели. Хорошо, если она не беременна или не заразилась чем. Вот тут-то скандал и возникает. И если он начинается на пароходе, то развивается и достигает кульминации уже на факультете, когда матросов-обидчиков в помине нет. А кто есть? Начальник рейса! Вот он и ответит за сводничество. Девочка молодая, глупая, может ошибиться. А ты, старый осёл, куда смотрел? Почему не предупредил, не провел беседу воспитательную, презервативами на весь экипаж не запаса, наконец. Так что дело до этого дела у меня есть, да ещё какое.

Пришлось поговорить со старпомом (отдельно) и боцманом (отдельно). Огласил июльские тезисы. Народ понял. Девочки потеряли офицерско-матросский корпус, пришлось им переключаться на коллег по факультету.

Методом ионно-обменной хроматографии мы проводили качественный и количественный анализ радионуклидов в морской воде.

Вот тут я и обнаружил исчезновение Кэпа. Сначала он, несомненно, был. Обедал с нами в гордом одиночестве. Тут следует пояснить, что на пароходах идущих под флагом военной гидрографии, царят воинские порядки. А на военных судах, офицеры обедают отдельно от матросов. Более того, в кают-компани капитан сидит за отдельным столом, и ест в гордом одиночестве. Как палач в Праге. Никто с ним не общается. Замечательное правило! Ведь кэп – абсолютный диктатор на корабле, его приказы не обсуждаются, а выполняются. Он отвечает за все. Причем, только он. Представляете, как за время долгого рейса его рожка надоеет экипажу. Как хочется взять миску горячего борща и надеть ему на голову. Везде не любят начальников, но на флоте капитанов ненавидят так, что от греха подальше выработали порядок: капитан ест отдельно, пребывая наедине с собой. Он, впрочем, обычно не возражает.

Так вот, в начале рейса он был на месте. Я его видел издали на обеде. Более того, в Севастополе, я как положено, взял бутылку и пошел к нему в каюту представляться. Он со своей стороны выставил выпивку-

закуску, позвал друзей. Мы хорошо посидели. Я говорю об обстановке, а не о содержании беседы. Тематика была беспросветно злобной. Речь шла о развале Союза и о разломе, прошедшем, аккуратно, по их судьбам. Флот делят пополам. Севастополь (равно как весь Крым) – украинский, офицеры – русские. Куда идти, куда податься, кого любить, кому отдаться... Вновь принимать присягу? Как может офицер присягать дважды?! Да еще чужому государству. А если Украина начнет войну с Россией? Даже думать страшно. А этому дело идет. Не уж-то Россия отдаст Крым Украине? Не говоря об Одессе.

Споры шли жаркие. Дело не шуточное – ломались судьбы. Причем цельных людей, закоренело цельных.

- Понимаешь, - втолковывал мне пожилой кавторанг. Мы не гражданские, мы – военные люди. От быстроты действий, от выполнения приказов и команд командира в море зависит жизнь экипажа и корабля. На борту не нужны рассуждения, это на берегу можно подискутировать. И один из критериев отбора у меня был такой: показываю на белое и говорю: черное. Офицер должен со мной согласиться и сказать: да, черное. И не думать при этом ни о чем! Потому что я один несу ответственность за всех и все. Я – авторитет. Но какой я авторитет, если служу двум государствам, причем одна половина команды – хохлы, а другая – москали. И если основное занятие тех и других – пьянка да диспут перманентный...

- Украине я не служил и служить не буду, - поворачивал меня к себе другой сосед. – Я это делом доказал. Ты знаешь кем я был год назад? Я был командиром подводной лодки.

Единственной подлодки Украины, способной выйти в море, причем – в подводном положении. Ты был на военном параде. Видел подлодки у Графской пристани, видел – они на плаву. А почему? А потому, что они погрузиться боятся. Не всплывут – утонут. Прямо в день Военно-морского флота. Так вот наша лодка умела плавать. Когда Союз треснул, мы легли на дно у входа в Одесский порт, и я объявил – буду топить все, что плавает, пока торпеды не кончатся. Или пока весь флот не вернут России. Тральщиков на меня напустили, идиоты. Но там тоже – наши ребята. Промажулись. А я ушел в город-герой Севастополь!

- Ну, и дурак! Надо было идти в Новороссийск, Севастополь – украинским будет.

- Не будет!

-Будет!

Назревала привычная драка друзей.

Наш Кэп поднял руку. Все затихли – слушали речь.

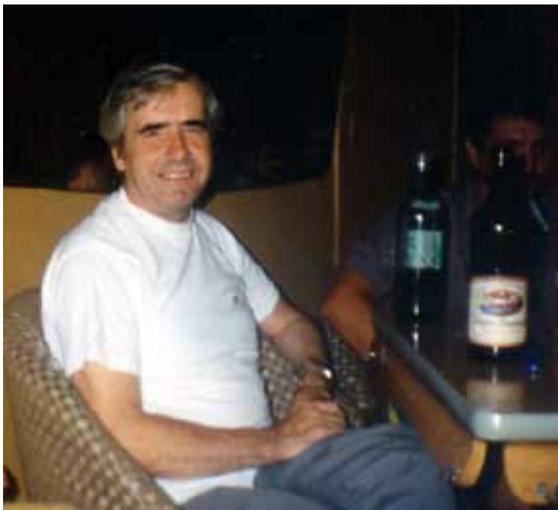
- Флот обосран, а мы - на гражданку, шмотками торговать... Челноками!

Народ дружно сплюнул и стал подниматься.

Кэп же впал в запой: долгий и беспросветный.

Рейс, однако, продолжался в обычном ритме – кончалась вторая неделя. Мы шли в Ялту – культурно отдохнуть. Жара стояла страшная – решили лечь в дрейф и искупаться. Процесс пошел.

Студенты спрыгнули в воду и стали самовыражаться. Кто как может. Кто загребал вдаль, кто приставал к подругам. Те радостно визжали.

Ю.А. Сапожников.

Я сразу в воду лезть не мог – проверял охрану труда: на месте ли вахтенные со спаскругами на канатах, спущен ли катер и если спущен, есть на нем моторист и не спит ли он, не унесло ли кого сильным течением далеко от парохода и т.д. и т.п. Контроль я осуществлял лениво, так как заранее знал, что на военном судне с этим все в порядке. Опасался я прыжков в воду. И боялся я вовсе не за прыгуна (что с ним будет: расшибет пузо, так в следующий раз осторожней будет). Нет! Боялся я за купающихся. Представьте себе: вы плескаетесь в воде, ныряете поглубже, а затем активно стремитесь вверх. Всплываете вы с хорошей скоростью, а тут к вам подлетает сверху, причем с еще большей скоростью, чья-то дурная голова. Если ваши головы столкнутся

– понравится вам это? То-то и оно!

То чего боишься, то и случается.

Студенты прыгали с фальшборта. Это еще куда не шло – летишь не долго, и видишь куда. Но тут появился экипаж. Ребятам тоже купаться надо. Но не только. Надо также привлечь внимание девиц. А как?! Правильно! Надо прыгать с высоты. Сказано – сделано. Начали с первой палубы, потом перешли на вторую, а некоторые – и на третью (высота четырех этажного дома, между прочим). Риски возросли. За время полета ситуация внизу может кардинально измениться, и какой-нибудь дурак (или, скорее, дура) вынырнет в точке приводнения. И ничего не попишешь...

Ситуация ухудшилась еще. Без всякой видимой причины усилилось волнение, начался шторм. Наш корабль, конечно, не щепка, его просто так не побросает, но и он стал медленно, но верно совершать колебательные движения: вверх-вниз, вверх-вниз. Трап оказался коротким и при верхней амплитуде из воды его уже не достать, а на нижней он бил по телам купающихся. Привязанный к катер стало сильно бить о борт судна. Не дай Бог, кто сунется меж бортами – раздавит, как таракана. Волны покрылись гребешками, многие купальные шапочки стали неразличимы. Пора завязывать!

Я уже совсем собрался отдать команду: Вира!, когда на палубу вышел Кэп. Собственной персоной. Слегка помятый, но трезвый. Он посмотрел на бульон с клецками, на своих соратников, вразной прыгающих с разных палуб, и с независимым видом полез по трапу наверх. Я с интересом следил, как удаляются красные плавки. Капитан же все лез и лез наверх. Палубы кончились, а он взбирался все выше. Долез до клотика, т.е. достиг высоты семи-восьми этажного дома. Там он осмотрел окрестности, глянул вниз и резко прыгнул. Летел он хорошо, вытягиваясь в струнку, вытягивая руки над головой. Тело описывало плавную кривую, стремясь достигнуть перпендикуляра с водной поверхностью. Но до воды было еще далеко. Тело прошло перпендикуляр раньше времени и стало заваливаться на сторону. Кэп вошел в воду неудачно. Это поняли даже палубные матросы, разом нырнувшие вслед. Им довольно быстро удалось достать капитана и поднять его на борт. Голова свободно болталась.

- Сломал шею, - сказал кто-то.

Мы понеслись к Ялте, заказав по рации такси. Когда доставили Кэпа в больницу, он был еще жив...

Вот так и закончились наши морские экспедиции, закончилась радиохимия мирового океана и морская экологическая практика.

Больше я в рейсы не ходил.

Нужда

С Валерием Николаевичем мы побывали во множестве экспедиций. Мужик он не плохой, но у него постоянные проблемы с желудком: то запор, то понос. Запор, впрочем, чаще.

Стоим в Авачинской бухте. Валера купается. Вдруг он начинает что-то кричать. Разобрать невозможно, поэтому раздеваюсь и прыгаю за борт. Подплываю к нему:

- Что случилось?

- Медуза слабит?

Это он давно мучается запором и ищет способы помочь беде. Сейчас нечаянно проглотил медузу. Ну и интересуется: глотать остальных или подождать. Я ему посоветовал сначала проверить действие одной. А там видно будет. В случае нужды, мы ему сотню наловим.

Плывём по Таймуре (приток Нижней Тунгуски, если кто не знает) на плоту. Плот тяжелый, сидит глубоко, мы стараемся к берегам не приближаться. Валерий Николаевич объявляет, что ему пора в туалет. Мы искренне сочувствуем и предлагаем все делать с плота. Тем более, что на реке и на ветру комара меньше. Но осуществить идею оказывается невозможно. Сзади на близком расстоянии плывет на надувных лодках женская часть нашей экспедиции. Что делать? Не долго думая, Валерий Николаевич надел маску, взял в зубы дыхательную трубку и нырнул в воду, держась за конец веревки с грузилом. У нас на буксире возник кит, периодически выпускающий фонтан воды. По этим фонтаном мы судили, что он жив, поскольку времени на процесс ушло много. Наконец, он вылез, но был каким-то задумчивым. Сидел на корме и размышлял.

- В чем дело? – поинтересовались мы.

- Не понимаю, - отвечал Валерий, - говорят, говно не тонет. А моё утонуло!

Шли мы по тайге несколько дней. Комары донимали жутко. Трудно даже представить как. Их столько, что нельзя фотографировать. Масть лошади определить тоже невозможно, а, после удара ладонью, на коже оставался кровавый отпечаток. Открытая рука мгновенно покрывалась плотным слоем комаров, на него налипал второй слой, затем третий. Мы все пропитались репудином, никакие сетки Павловского не спасали и мы спали и ели в накомарниках. В таких условиях пописать было страшно, не то что покакать. В эту тяжелую эпоху жизни Валерия Николаевича прохватил понос. Страшный суд! На четвертый раз он выбрал самую высокую лиственницу и залез на макушку. Там действительно дул ветерок и комаров было меньше. Он сделал дела и начал спускаться. И тут понял свою ошибку, не простительную для кандидата наук. Все ветки были в дерьме!

Но самый эффектный случай произошел на яхте в Японском море. Яхта участвовала в международной экологической экспедиции. Мерили активность морской воды и воздуха. Здесь у Валерия Николаевича случился особо длительный запор. Никакие забугорные средства не помогали. Но, наконец-то - ура! – процесс пошел. Гальюн на яхте, естественно, давно не работал, и все серьезные дела делали в сетке под бушпритом на носу яхты. Валера туда и забрался, подставил попу встречному ветру и принялся за дело. Дело шло туго. Туго, но шло. *«Если долго мучиться – что-нибудь получится!»* В самый разгар, он обернулся и обомлел. Яхта уже влетела в порт Бургас и шла между двумя причалами, заполненными обомлевшими от открывшейся картины болгарскими и отдыхающими других национальностей.

АЗОВСКОЕ МОРЕ

Кайф

На Азовском море, после съемки подводных грязевых вулканов, мы на «Эксперименте» зашли в устье Кубани. Кэп отправился в Темрюк повидаться с другом.

– Свою бочку водки я выпил зеленым юнцом. Все. Теперь – в отказе!

Но видать в бочке еще осталось место...

Ждали мы долго. Пришел накат, болтаться на рейде стало скучно. Послали катер и вернули Кэпа. Он был хорош! Для сохранения драгоценной жизни пришлось применить грузовой кран. Кэпа зацепили крюком и подняли на борт. Стрелу выставили точно над трюмом. Майна! Тело упало на груды канатов.

– Поехали!

Он махнул рукой.

Мы пошли. В центр циклона. Шторм крепчал. А волна крутая! Я залез на трубу - высшую отметку судна - и оттуда снимал на кино разбушевавшуюся стихию. Но не долго. Огромные волны пролетали над рубкой и разбивались о корму. На меня обрушился водопад. Еле отдышался. С поста меня смыло. Спустился на палубу и залез в висячий на тальях катер. В нем было сухо, мягко и тепло. В комфортных условиях халявных качелей тихо заснул.

Члены экспедиции тоже нашли себя. Ольга обняла сливную раковину в душе и была при деле. Костя успел крикнуть Женьке, "Ложись!" (он всегда заботился сначала о других) и упал на стулья, где застыл в позе полутрупа. Женька послушно свалился на шланги и, обняв ножку стола, молча страдал, прислушиваясь к звону летающих колб.

Проснулся я глубокой ночью, лежа в луже. Брезент промок, и катер заполнился водой. Дискомфорт! Пришлось вылезать. Шторм не утихал. Лил дождь. Волна гуляла по палубе и валила с ног. (Потом, в Мариуполе, мы беседовали с экипажем обогнавшего нас танкера. «Ну, вы даете! - сказали нам, - По морю на этом не ходят! Вы ж ныряющее блюдо какое-то: то вы есть, то вас нет). Пара синяков и шишек, и я - в кают- компании. Палуба забавно уходила из-под ног. Погрелся чайком. Целый процесс! Стакан, игриво вихляя, бежит от тебя, но, подразнив, скоро - обратно. Поймал, отпил, поставил. Опять побег. Ничего, нам тоже надо успеть подняться с палубы и вновь укрепиться на стуле. А тут и стакан торопится вернуться.

Повеселев, я продолжал свой путь вниз. Сначала зашел в лабораторию. Женька лежал на бухте вакуумных шлангов, зажав в руке стойку лабораторного стола, и вращался вокруг нее, как секундная стрелка. Константин лежал на двух стульях. Длинное тело неудобно провисало. Я взял третий и просунул между имевшимися. Костя кивнул головой. Слов не было - одни чувства.

Кубрик на «Эксперименте» находится на баке (на носу, если кто не понял), причем ниже ватерлинии. Отдраив люк, влетел в каюту. Да! Это надо видеть и чувствовать. Топор можно вешать. Яркое горел свет, матросов не было. На верхней полке, вытянутой вдоль правого борта, лежал Валера. Он спал, зажав в руке подушку. По команде: Раз! начиналось движение по койке назад. Команда: Два! означала стойку на ногах. Команда Три! - нырянье вперед. И, наконец, Четыре! следовал глухой удар о переборку, и Валера вставал на голову. Затем цикл повторялся. Удивительно, но каждый раз в момент удара между головой и переборкой оказывалась подушка. ВН спал сном младенца, причмокивал и тихо улыбался во сне.

Редкий случай – человеку хорошо.

Я погасил свет. Дождался, когда левая верхняя койка окажется подо мной, прыгнул на нее, обо что-то треснулся и заснул.

Наши эксперименты

НИС «Эксперимент» по документам корабль типа река-море. Однако не все так просто. На самом деле – это пароход морской, просто с малой осадкой. Морской он потому, что у него один винт. А у речных - два, что позволяет им удачно маневрировать на течении, тогда как морские с их одиночным винтом периодически устраивают катастрофы в Босфоре, где течение вполне ощутимо.

Как настоящий морской волк, попав на реку, НИС «Эксперимент» тут же норовил кого-нибудь или что-нибудь толкнуть. Помню, покинув Азовское море, мы поднимались вверх по Дону. И со всего маху врубилась в опору железнодорожного моста. По мосту как раз шел грузовой поезд с контейнерами. Мы держали пари: свалится ли от удара нам на голову весь состав, или только один контейнер? Пронесло!

В первом шлюзе мы долго маневрировали в тщетной попытке прицепиться к причальному кольцу. Нас кидало от одного края шлюза к другому, и мы таранили оба. Наконец, по громкоговорителю начальник завопил на подчиненного:

– Да брось им конец, ты видишь – они неуправляемы!

Поэтому, когда мы проходили поворот реки и объявляли, как положено, по рации:

НИС «Эксперимент» вошел в створ, - то после небольшой паузы следовал ответ:

– Не надо нам экспериментов!

Все мели Дона

Николай Бердяев утверждал, что настоящее искусство не может быть реалистичным. Скажем, фильм Волга-Волга – выдумка для смеха. А реальность?

В Ростове мы взяли на борт лоцмана, и пошли вверх по Дону. Лоцман попался важный и капризный. Начальник 1-го отдела Пароходства. Сволочь, первостатейная. Помимо обычного: - Право руля, лево руля! - с мостика несло: Прекратить разговоры! Не курить! Отставить пререкания! Я здесь все мели знаю!

Впрочем, нас это не касалось. Мы затеяли невиданное дело – варку какао. А то кофе банально. Поскольку никто не знал как, то каждый предлагал свой метод. Наконец, готово. Разливаем по кружкам.

Глухой удар, палуба становится стеной, стена полом. Все летит.

Сели (легли?) на мель. Двумя буксирами стаскивали.

Бердяев не прав. Есть реалистичное искусство. А успел кто сказать: “Вот первая!” – уже мелочь.

Подводная охота

На Цимлянском водохранилище нас посетила свежая идея: добыть раков. Ведь, что за пиво без раков? Все равно, что раки без пива! А эта лужа, небось, ими кишит.

Сказано – сделано! Начали меня облачать в водолазный костюм. Сложное дело! Двое тебя одевают, остальные –советы дают. Натянул я гидру, надел свинцовый пояс, ласты, акваланг. Взял подводный компас и водонепроницаемые часы. Не забыл и про нож, завинчивающийся в специальные ножны. Главные спецы уселись в катер, и мы поехали искать заветное место. Нашли.

Жарко светило солнце. Я буквально сварился в закрытой гидре. Сквозь запотевшее стекло ничего не было видно. С вожделием ожидал встречи с холодной пучиной. Наконец, долгожданная команда:

– Пошел!

Я наматал на руку конец, чтобы не идти камнем в глубину, выдохнул от души и спиной упал в воду. Раздался звон костей. Увы! Глубина в заветном месте не превышала 20 см. Катер устойчиво сидел на мели. Долго барахтался я в тине, пытаюсь выдернуть акваланг из осоки. В конце концов меня подняли на борт.

Но работать водолазом я отказался.

Чехи вообще пиво без закуски пьют, кстати.

В жизни всегда есть место подвигу

НИС «Эксперимент» бодро бежал по каналу Волга-Дон. Кругом жаркая степь, ни ветерка, волн нет, качки нет. Что еще надо?! Я возлежал в своей роскошной, сплошь устланной коврами каюте и читал эротический рассказ Толстого про баню. Жужжал кондиционер, пытаюсь создать атмосферу погреба. Неожиданно пароход круто свернул вправо и сильно накренился. Меня скинуло с койки. Я глянул в иллюминатор. Рядом с нами возник длиннющий и высоченный борт самоходной баржи Волго-Балт. Мы под прямым углом к нему, на хорошей скорости, шли на таран.

Удар!

И тут я совершил подвиг. Подвиг достойный былинного воспевания.

Нет! Вся жизнь не промелькнула в моем сознании. Я не вспомнил о том, что я начальник рейса и несу какую-то там ответственность за спасение утопающих. Я даже не подумал о студентах, загорающих на баке нашего судна. Нет! Я вспомнил о бутылке сухого вина, хранящейся в холодильнике. Если мы потонем, то потонем. А ежели нет? Что мне скажет коллектив по поводу гибели последней отрады в жарком климате? Отбросив прирожденный флегматизм, я, как Александр Матросов, бросился на амбразуру холодильника. Дверца уже начала открываться, грозя выкинуть содержимое. Я схватил холодильник в тесные объятия и замер. Корабль отлетел, снова треснулся о баржу, снова отлетел. Но я держался, как клещ.

И спас сухенькое!

КАСПИЙ

Осетры и вороны

Мы прошли Астрахань и продолжали спускаться по Волге. Я стоял на верхней палубе и смотрел вперед. Вдруг показалась сидячая на воде ворона. Потом вторая, за ней третья. Чудеса! Ворона, чай не утка, чтобы по рекам плавать. В подзорную трубу, однако, удалось разглядеть, что вороны сидят не на воде, а на осетрах со вспоротыми брюхами. Браконьеры взрезают рыбу, извлекают икру, а остальное бросают в воду. На радость ворон...

Резко стартовав от берега отошла моторная лодка и на полной скорости пошла нам наперерез. В ней никого не было - руль болтался свободно. Лодка пересекла нам путь и, поднимая буруны, направилась к правому берегу. Не доходя до него, она начала делать круги все уменьшающегося диаметра. Мотор взревел. Лодка, задрав нос, начала вертеться, как будто ее корму посадили на кол. Несколько оборотов и мотор затих.

Я смотрел за корму. По всей Волге тянулась цепочка из бывших осетров, деревьев, лодок. На каждом рыбине - своя ворона.

Плавни, плавни, плавни.

Безлюдка с человеческим духом.

Штурман

Экспедиция была в разгаре. Мы отработывали юго-восточный угол Каспийского моря, когда что-то стало не так. Суета, придирки и общее неудовольствие. У боцмана вдруг проржавел якорь, а у второго помощника - вообще смигрировал магнитный полюс, изменив привязку. Беспокойство нарастало - пора на берег. Как? Без денег?! Давай Махачкалу с кассиром! Оно, конечно, хорошо, да только, аккурат, на другом конце лужи.

Наконец, Кэп матюгнулся и, преодолев истерику начрейса, двинул в родимый порт. Тут наш «Эксперимент», который не мог пройти 20 миль, не заглянув в укронную бухту, вдруг понесся по главной каспийской диагонали. Целые сутки стоял на мостике Серега - штурман. И мы дошли.

И был рекорд. Влетели в порт Махачкалы. Серега, в наглаженных рубашке и брюках, в темных очках и белых туфлях пошел оформлять приход. Команду как ветром сдуло: пароход причалил сам.

Сергей вернулся в приподнятом настроении. Даже убрал заветную (и запретную) "удочку" на осетров. Эта удочка обобщала месячный труд команды. Сложное устройство из капронового фала, от которого отходили концы с крючками из гвоздя-сотки, загнутого и заточенного, как острога. В деле оно была испытана лишь однажды и с нулевым эффектом.

Подошел портовый буксир и, повздыхав, что место занято, причалил к нашему борту. Начался обмен новостями. Не палуба, а проходной двор. На буксир прошел инспектор рыбнадзора. Скоро пошел назад. И тут прямо ему под ноги проказа-пес Барсик вытащил из тайника удочку. По мере появления крючков, лицо инспектора монотонно краснело до полной черноты, потом бледнело. В конце концов, дар речи вернулся.

– Браконьеры! – обрадовано ужаснулся он, – три года тюрьмы. Штраф пятьсот рублей. Все свидетели. Оформляем акт.

Сергея задумчиво посмотрел на всходящее солнце, затем смачно плюнул за борт.

Это придало инспектору сил еще на десять минут ругани.

Сергея плюнул второй раз.

– Ладно! – сбавил тон инспектор. Он подошел к штурману и доверительно похлопал его по плечу, – гони 100 р. без акта, и я покажу, где осетры водятся. Ловить будешь - мои на стрёме постоят.

Сергея упер конец локтя в пах и медленно покачал рукой с виртуозно сложенным кукишем.

– Хрен тебе, – пояснил он словами.

– Ах, так? Ну, держись!

Инспектор рысью покинул «Эксперимент».

Сергея тоже подался на берег. Вернулся со справкой. Нахождение орудия лова на борту научного судна не является криминалом, оказывается. Науке можно. Гордясь, штурман крепился бутылкой. Та скоро кончилась. Напевая, он свалил в каюту кайфовать.

На сцене вновь появился инспектор, но уже с милицейским эскортом. Пошел в атаку. Кэп со старпомом - в обороне. Медленно, но дело шло к компромиссу. И тут возник штурман со второй пол-литрой.

– Опять ты, гнида? – удивился он.

Схватив акт, Серега начал запикивать его в рот инспектора. Тот стеснялся. В бой вступила милиция. Хрясть! Один мент уронил себя за борт. Оставшиеся образовали кучу-малу. Пыхтенье, кряхтенье, мат и вот болезного с заломленными руками повели по трапу.

– Это незаконно! – предупреждал он.

В милиции начальник строго осудил его:

– Ваше поведение недостойно советского моряка!

В ответ Серега харкнул ему в рожу.

Штурмана забросили в камеру и закрыли засов. На нарах сидел толстый важный мужик - аварец - в стеганом халате и тюрбане. Главный нищий Махачкалы изволил пить чай. Со свитой.

– Твой место там! – показал старик в темный угол.

-- К солнцу хочу! -- отвечал Серега, сбрасывая Падишаха с трона.

Мюриды рванули вперед. Вновь образовалась куча - мала. Все же два пол-литра по жару давали себя знать. Кто-то остался цел. На шум ворвались менты и разогнали аборигенов. Днем они бродили по городу, нищенством зарабатывая себе и милиции, а ночевать, возвращались в КПЗ. Серега же улегся в красном углу соснуть.

...На пароходе царил траур. Моряки вскрыли запас антифриза.

– Уезжайте домой, ребята, – Кэп сказал в тоске, – на ремонт становимся.

Старпом материл штурмана за недипломатичность, а боцмана - за разгильдяйство. Вздохнув, он вынул из сейфа свои 200 рублей и пошел выручать узника. Уже темнело, когда они вернулись. Серега посвежел, только костюм помялся, да глаз до конца не открывался.

Комсостав угрюмо смотрел на дебошира, но команда была в восторге. Сразу все, кто мог ходить, собрались в кают-компанию отмечать конец инцидента. Серега налегал на водочку с маринованным чесночком. Позднее он добрался до старпома, вцепился в грудки и затряс, как грушу:

– Рыбнадзору проданся?! Деньгами соришь, кагебист. Шиш всем! Требую суда!

Наконец, их растащили, и штурман осел в лаборатории. Мы собирали вещи. ВН ушел прощаться.

– Ничего, ребята! – шумел Серега, – отведаем осетринки. Как члены ЦК и завмаги.

– Наверное я не знаю, но вероятно вряд ли, – отвечал я, – в Москву сваливаем.

– Зачем в Москву?

– Кэп сказал: солярки нет.

– Чего?! Вот жаба сухопутная. Сейчас!

Сергея исчез. Над головой послышался топот ног. "Эксперимент", распахивая ближайšie суда, и порвав чьи-то швартовые, кормой выскочил в бухту. Затем подал вперед и боднул борт баржи. Ударил струя солянки. Ее удалось направить в нужную дырку.

– На восток! - раздалось с мостика.

"Эксперимент" брал разбег. Я смотрел на удаляющийся причал. Там металась длинная тень.

– Стой! Ученого забыли!

Корабль тормознул. ВН взлетел на борт.

Мы понеслись к Актау.

За молом нас встретил крутой накат. Ветер усиливался. Экспедиция расплзлась травить. Я спустился вниз и начал привязывать аппаратуру. Кидало во всех плоскостях. Необычной была центробежная составляющая: прижимало то к правому, то к левому борту. Казалось, летим по серпантину.

Что за дела?

Я поднялся на мостик. Там было темно. Светилась катушка компаса. За штурвалом стоял Жека. Стройный, с телом культуриста, он был очень маленького роста. Лилипут. Штурвал вращался у него над головой. А гирокомпас - вообще за пределами видимости. Обычно он нес вахту на высоком стульчике с запором, в каком младенцев сажают у стола. Только сварен он был из нержавеющей стали. Но сейчас не достало сил в него забраться. Когда корабль задирает нос, Жека отлетает назад, а когда волна ударяет в стекло рубки, он стремительно падает на штурвал, лихо его закручивая поднятыми руками. Из чувства гармонии, он попеременно падает то на левую, то на правую сторону руля.

Кэп сидел на полу (надо говорить - на палубе!), свесив ноги на трап. Ему было нехорошо. Сжав голову руками, он раскачивался из стороны в сторону.

– Курс? - периодически интересовался Ихтиандр.

– Сто двадцать, – отвечал Жека.

– Врешь!

– Смотрите сами!

Кэп удивленно замолчал. Что-то было не так. Это задевало капитана, но об встать не могло быть и речи. И он периодически допрашивал строгим голосом:

– Курс?

– Сто двадцать!

– Врешь!

– Смотрите сами! – падал на штурвал вахтенный. Мы выписывали кренделя. Маяк появлялся то спереди, то сбоку, то в нужном месте – сзади. Рост не позволял Жеке смотреть вперед, но берег удалялся.

Сергей что-то чертил на карте. Он был трезв.

– Эх, жизнь! – разговаривал он с собой, – сколько человеку надо? Двуногий что-то хочет, под себя гребет, куда-то стремится... Вот у пса корабельного – жизнь собачья, а все есть.

– Чего же тебе еще надо? – спросил он Барсика, восседавшего посреди рубки.

Барсик задумался, а затем начал задней лапой активно щелкать по челюсти. То ли блох давил, то ли просил на опохмелку.

– Пошел вон!

И ударом ноги в белом штиблете Барсик был спущен с трапа.

Взятка

Самое чудесное место на Каспийском море - Ленкорань. Субтропики! Пальмы растут, дервиши поют. Пиво есть, рулетка есть, свободная торговля (Речь о советских временах). На рейде нас обступили лодки. Начался натуральный обмен. Впрочем, больше болтали.

На палубу вышел штурман. Сергей был в форме и смотрел сурово.

– Где милиция?

Ему показали на берегу зеленый домик.

– Погранзаезда?

Снова показали.

– Горком партии?

Показали.

– А сети чьи? – он ткнул в торчащие по всей округе вешки, мешавшие свободе судоходства.

Народ засмутился и начал постепенно отваливаться. Наши замеры кончились. Я дал команду поднимать якорь. В этот момент из-за мыса вылетел катер. Красивые необычные обводы. Он шел на двух «Вихрях» и, казалось, не касался воды. Чуть не врезавшись в нас, катер развернулся, из него вылетела серебристая ракета, и он исчез. Ракета плюхнулась на палубу и обернулась полутораметровым осетром. Взятка!

Мы тут же вышли в море.
Удалось-таки поест осетринки!

Рачья бухта

На НИСе "Эксперимент" - две лаборатории: одна на главной палубе, а вторая - в трюме. Верхняя расположена по правому борту и отделена стеной от кают-компании, которая аналогична по форме и размерам, но простирается вдоль левого борта. В верхней установлены некоторые навигационные приборы, главный из которых - глубиномер, есть внутренний телефон и главная гордость - кондиционер. Кондиционер постоянно включен на зиму, что обеспечивает перепад температур с наружным воздухом до сорока градусов. Резкий переход с палубы в лабораторию обещает воспаление легких. Во всем флоте такого нет! В лаборатории много иллюминаторов и столы, на которых мы размещали счетную аппаратуру и монтировали химическую посуду. Иногда шальная волна била в открытый иллюминатор и разносила все в щепки.

Нижняя лаборатория была небольшой. В ней стоял стол с ручным вакуумным насосом. Имелся карман у борта, куда мы помещали счетчик гамма-излучения, который мерил активность морской воды. Вход в лабораторию закрывался люком и запирался изнутри. Это, а также обилие телогреек обеспечивали удобства для занятий сексом...

Достопримечательность нижней лаборатории была в другом. В корпусе судна было проделано круглое отверстие, закрытое толстым, но вполне прозрачным стеклом. Расположено оно было горизонтально и лежа на нем можно было любоваться морской пучиной и ее обитателями. Прямо как на "Наутилусе" капитана Немо! Наслаждаться, правда, особенно нечем: довольно темно, до дна далеко, а движение и шум парохода распугивают всю живность.

Но однажды мы встали на якорь на мелководье в бухте Бекоева-Черкесского, что на Каспийском море. Я решил посмотреть дно. Глянул и обомлел: раки!! Огромные речные раки (это в морской-то воде) покрывали все камни. Как на крыльях любви вылетел я на палубу, схватил помойное ведро, надел акваланг и кувырнулся в воду. Ползая по дну, собирал раков, а коллеги таскали ведро за ведром. Потом спустили катер, рванули в какой-то поселок, привезли пару канистр пива. И начался пир. Можете себе представить: теплый вечер, синее море, красные раки - горами в стиральных тазах, канистры пива, а мы сидим, тянем его лениво, закусываем раковой шейкой и травим байки. Да ребята! Занимайтесь наукой! Кайф от нее обалденный!

И какой бы черт не заносил меня на Каспий, я всегда направлял пароход в бухту Бекоева-Черкесского для исследования этого уникального радиохимического объекта. Заранее брали пиво, заготовливали корзины-ловушки из прутьев. Входили в бухту, вставляли на якорь, и вся команда начинала интенсивно натирать горбушки черного хлеба чесноком. Затем, хлеб - в ловушки и за борт. Через час вынимай корзины полные раков. Отработанная технология. Ну, а потом - пир с пивом и раками. Куда там чехам. Пиво у них хорошее, спора нет. А раки?! То-то же...

Кара-Богаз-Гол

Кара-Богаз-Гол («черная пасть») – залив Каспийского моря прекрасно описал Паустовский. Настолько прекрасно, что я долго не решался посетить его. Не хотел разочарований. Все же необходимость расчета баланса радионуклидов в Каспии, заставила направить туда экспедицию. НИС «Эксперимент», бодро трусил вдоль берега. Искали начало пролива. На карте он был, в натуре – нет! Каспий мелел, море отступало, и береговая линия непрерывно менялась. Какие-то отмели, банки, бухты, заливчики-проливчики теснились и преграждали путь. Лоции - бесполезны. Походив взад-вперед, легли в дрейф, спустили шлюпку и направились к берегу.

Жара, видимо, стояла страшная, но нами особенно не ощущалась – дул хороший ветер, да и катер шел на приличной скорости. Ярко светило солнце, вода в бухте - как зеркало. На небе – ни облачка. Синее небо, синее море, ветер, альbedo – мы буквально горели. Физиономии наши, и так красные, приобрели цвет тухлой свеклы. Штормовки выцветали на глазах. Быстро приближался берег. Бескрайняя синева сменялась чернотой.

Лодка подпрыгнула и села на мель. Прибыли! Я спрыгнул в воду, подхватил Ольгу на руки (Привилегия начальника рейса) и отнес ее на берег. Матросы легли загорать, а мы, навьючившись детекторами, пробоотборниками, канистрами с водой и рацией, отправились покорять пустыню.

Нас было четверо, я, лаборантка Ольга, аспирант Серега и Васька – сын декана. Таков был его статус, звание и должность. Типичный профессорский сынок. Высокого роста, сильный и красивый, он постоянно всем что-то доказывал. Например, что он не какой-то блатной (а именно по блату он и попал в экспедицию), а сам чего-то стоит. Он был мастером спорта по горнолыжному спорту, автогонщиком и кем-то еще. Почти кандидатом наук. Демонстрировал силу, ум, образование. Но всем было ясно – до отца ему далеко и не стать ему ни видным спортсменом, ни видным ученым. Впрочем, это – его проблемы. Для нас же хлопотным было его суперменство: он вечно во что-то влезал и вечно получал по шее. А мы расхлебывали.

Сейчас он шел в новых плавках с голым торсом. Мы же парились в штормовках. Пот градом застилал глаза, но я знал, что на борту кефира нет и натирать нас некому и нечем. Лучше уж свои 36,6, чем наружные 45. Васька же ощущал себя покорителем Кара-Кум, то ли бедуином, то ли Скобелевым (те, правда, вряд ли шастали по пустыням в голом виде).

Море исчезло. Нас окружали закрепленные пески, простирающиеся грядами, высотой метров пять, но встречались и высотой метров тридцать. Мы, кряхтя, взбирались на очередной вал, затем спускались во впадину и снова поднимались. «Дюны» покрывала редкая уже высохшая, растительность. Виднелись заросли кустарников (саксаул, песчаная акация, или как они там называются...). Валы сначала шли более или менее упорядоченно ориентированными рядами, но затем возник некий хаос – «крестовая волна». Ни залива, ни пролива, однако, не было.

Ветер стих, стало и жарко и душно. Где же пролив, не говоря о заливе?

Неожиданно возник звук колокола средних размеров. Церковь в пустыне?! Пошли искать. Церкви не было, зато был верблюд. Двугорбый и большой. Раньше корабль пустыни казался мне гораздо меньше. Где же взять в пустыне лестницу, чтобы на него залезть? Как положено по классике, он рвал какие-то колючки и меланхолично жевал. На шее болтался колокол, размером с ведро.

– Цып, цып, цып – заверещала Ольга, приближаясь к мастодонту и протягивая ему ладонь.

Верблюд никак не реагировал. Я подошел поближе и потянулся за поводком. Но тут в нос ударил запах. Это было нечто! Такого я не нюхал за всю свою химическую жизнь. Да, арабским принцессам не позавидуешь. Чтоб путешествовать в таком амбре нужно обладать недюжинной силой воли. Или привыкать с детства. Я отскочил. Тут возник Васька. Он сунул мне в руки кинокамеру:

– Снимайте шеф! Смертельный номер – джигитовка на верблюде.

Я навел камеру, покрутил трансфокатор и нажал кнопку пуска. В видеоискателе возникла морда верблюда, потом какой-то пылевой вихрь, опять морда верблюда. Я отвлекся от камеры и посмотрел вокруг невооруженным глазом. Верблюд, как прежде, стоял несколько ниже меня, зато Васька – на вершине бархана. Впоследствии, рассматривая фильм, мы поняли, что случилось. Вот Вася стремится к верблюду, тот поднимает голову. Челюсть, как затвор винтовки, резко отходит назад, потом вбок, потом – вперед. Будет смачный плевок! Но реакция у автогонщика есть. Прямо в прыжке, он меняет курс на 120° и взлетает на бархан. Кататься расхотелось, мы обошли верблюда стороной и продолжили свой путь.

Наконец, показалось широкое, глубокое и извилистое русло. По нему несея поток воды. Кроваво – красного цвета! Кровь вытекала из синего моря и на фоне синего неба и желтых берегов исчезала где-то вдаль. Кровь бурлила и пузырилась. Артерия в аду. Прекрасно и ужасно. Мы пошли по течению. Сила его впечатляла. Казалось, все Каспийское море течет у нас на глазах из одного сосуда в другой. Течет бурно, с порогами и водопадами. Об купаться не могло быть и речи. На одном из порогов ржавел перевернутый сейнер, свидетельствуя, что по проливу-реке плавать можно, но осторожно.

Мы, увязая в прибрежном песке, долго шли вдоль потока. Понятно, что цвет ему придают какие-то красные микроводоросли, но все равно – жутковато. Поднявшись на какую-то кочку, я увидел нечто не менее удивительное. Огромное небо и плавающие в нем белые клецки – облака – айсберги. Небом было заполнено все пространство: оно простиралось вверх, вширь и, что странно, глубоко вниз. Мы устремились вперед. Постепенно айсберги превратились в ледяные, просвечивающие синевой горы. Откуда здесь лед и эта синева, под – и над ним? Только подождая вплотную, мы поняли, в чем дело. Всю землю, насколько хватало глаз, покрывала вода. Она отражала синее небо, и сама была синей. На мелководных высились соляные горы (мирабилит, т.е. глауберова соль, сульфат натрия десяти водный, $\text{Na}_2\text{SO}_4 \cdot 10\text{H}_2\text{O}$, для любознательных). Именно они и выглядели издали как ледяное торосистое поле.

Вблизи они уже не были так красивы, слои соли чередовались со слоями черного песка. Но красота была в другом. Толщина воды – 20 – 30 см, но на нее смотреть простым глазом невозможно. Все дно сияло алмазами. Они били как прожектора, переливаясь, то синими, то красными, то фиолетовыми оттенками. Все дно, каждый камень были покрыты друзами кристаллов. Каждый размером с грецкий орех. Покрытые тонким слоем воды, они не просто блестели, они сияли, причем сияли сильнее любых бриллиантов. Было на что посмотреть! Ни до, ни после никогда ничего похожего мне не встречалось.

Мы шли по щиколотку в воде, иногда проваливаясь по колено. Искали место поглубже, чтобы отобрать пробы на анализ, а заодно и искупаться. Но по мере продвижения вперед купаться хотелось все меньше и меньше: вода проникла в кеды и сильно разъедала мелкие ранки. А что будет, если окунуть в рассол все тело?! Как и ожидалось, радиоактивность была аномально высокой и возрастала по мере продвижения в залив-лагуну. Понятно, что здесь поступающая из Каспийского моря вода выпаривалась и все соли (в том – числе – радия) осаждались.

Наконец, нашли глубокое место, и Васька поплыл. Отплеываясь, он перевернулся на спину и задрал ноги. Вода легко его держала (Еще бы! Концентрация солей в воде где-то около 300 о/оо. К примеру, в Мертвом Море соленость воды 260-270о/оо, а шуму – на весь мир). Васька

долго плескался. Юмор возник потом. Он попытался встать, достать дна и выйти на берег. Не тут-то было! Вода выталкивала его на поверхность, и достать дна было решительно невозможно. Пришлось ему плыть к нам и выползть на сушу, как крокодилу.

Отобрав пробы, и измерив, что надо, мы собрались домой. Но сначала перекусили стоя, и попили теплой воды из фляжки. Обрато шли молча. Жара не спадала, а ноги дико чесались от соли. Васька матерился, кислый раствор (состав не установлен) растекался по телу, и, видать, достиг критических органов. Рация молчала, но мы довольно легко нашли лодку с матросами, хотя слегка и побродили по каспийскому лукоморью.

На борту парохода меня ждало жесточайшее разочарование. Снятые с камней друзья мирабилита, имевшие вид усыпанных брильянтами шлемов, рассыпались в белую пудру. Об установке их на московском буфете в качестве добытых трофеев не могло быть речи. Вдобавок расхворался Васька: кожа пошла волдырями, зуд, а главное – понос. Наглотался раствора мирабилита, а это – английская соль, сильнейшее слабительное. Пришлось уходить в Махачкалу.

Эти события происходили в 1978 году. Но возник один не в меру ретивый товарищ. (Опаснее врага – дурак с инициативой). Он смотрит – Каспий мелеет. Берега удаляются, дно обнажается, порты нужно переносить дальше в море и т.д. Одно слово – непорядок! А почему? А потому, что есть «Черная пасть» ненасытная. Вон как она заглатывает каспийскую воду. Вывод? Перекрыть пролив дамбой. Вода уходить не будет, уровень Каспия стабилизируется. Логично? Логично!

Долго товарищ обивал властные пороги – все попусту, посылали куда подальше. Но тут его самого забрали в Москву и сделали крупным начальником. Тогда он и осуществил свою мечту – бросил тяжелую технику на покорение природы. В 1980 году пролив был перекрыт глухой дамбой. Кора-Богаз-Гол предоставили своей судьбе.

Тут-то и началось! Уровень Каспия начал повышаться (не из-за плотины, а в силу известного семидесятилетнего цикла). Порты стало заливать. Нефтяные скважины оказались сначала на островах, потом под водой. Залило сады и нерестилища. Население побережья начали отселять. Караул! Функционировал бы Кара-Богаз-Гол, уровень повышался бы медленнее и не до таких высоких отметок. А тут понеслось!

Между тем, вода в заливе, ставшем озером, интенсивно испаряется, зеркало воды – сокращается. Гидраты сульфата натрия распались и превратились в пудру. Периодически ветер поднимает эту пыль, переносит ее через Каспий и засыпает слабительным виноградники Азербайджана. Тем это не нравится, они гибнут. Озеро засыпают окрестные пески. Химический комбинат, который качал себе рассол, встал. Нужны экскаваторы для добычи сырья. Сырье нужно растворять и отделять от песка. Технологией это не предусмотрено.

Ретивого начальника начали плохо поминать.

В 1982 году мы отправились в новую экспедицию. Она проходила без лишнего романтизма. Быстро нашли дамбу, высадились и пошли по старому руслу. Никакой красной реки не было. Так – отдельные пятна воды. В озере до воды добрались только километров через десять, и то смогли лишь замочить ноги. Никаких айсбергов или соляных гор. Синева есть, но только сверху. Ни самоцветов, ни друз-бриллиантов. Кругом – черная пустыня. Песок, песок, песок. Иногда – вперемешку с солью.

Извели чудо природы!

Вернувшись в Москву, мы разослали полуматерные отчеты во все инстанции. В 1984 для поддержания минимального уровня рассола в Кара-Богаз-Голе было построено водопропускное сооружение. Но там я больше уже не бывал. Зачем расстраиваться?! Теперь это – дальняя заграница. Проще отправиться на Мертвое Море.

Там и красота и соль! И святые места рядом...

Плавучая буровая

Каспий разыгрался не на шутку. Шторм – его стихия, но тут был явный перебор: тяжелое небо давило вниз, солнце куда-то делось, волны запускали «Эксперимент» в космос и роняли обратно. Движок захлебывался, и лайнер превращался в щепку. Катаясь по рубке, мы ловили штурвал и втроем на нем повисали. Ветер выл, как бык на привязи. Трещали борта, билась аппаратура, пищала Ольга. Холод пробирал до костей...

Ну, просто Балтика какая-то!

Все же НИС мигрировал на восток, и локатор засек туркменский берег. Нас перекинуло через косу, мы очутились в какой-то бухте, огляделись и пошли к рыбацкому причалу. Поселка, однако, не было.

С небес падал колокольный звон. Трам-блям-трам, трам-трам, трам-блям-трам. Я поднял бинокль. Нас догоняла плавучая буровая. Она заходила в бухту, преодолевая накат. Кидало ее сильно, флаг на вышке касался волн то с одного борта, то с другого. Подъемный кран изгибался

дугой. Мощный крюк болтался на цепи и бил по стойке. Судно, как клуша, переваливалось с борта на борт, но набат звучал оптимистично: Ни хера! И не такое видали!

Так мы утерли нос судьбе и обзавелись компанией в этом пустынном берегу, где, казалось, не было и не могло быть ничего живого. Подошли к лежащему на боку причалу и встали по обеим сторонам.

Вскоре Буровая пригласила меня вечерять. Взял пузырь и пошел.

В кубрике собралась вся команда – шесть человек. Мест не хватило, кто-то сел на палубу, подсунув под себя бухту канатов. Кэп оказался грузным мужиком, с большими седыми усами, большим пузом и грозными когда-то бицепсами. Красный платок на голове напоминал о пиратстве.

Выпили, закусили, поговорили за жизнь.

Не слишком она радостна. На Каспии, как известно из Паустовского, штить – один раз в году, а плавать в шторма на буровой, так себе удовольствие. Да и бурить на ней особо не будешь, все ж таки не платформа – трясет. Толку мало, заработков тоже, а мороки.....

Мужики взгрустнули, приняли на грудь и впали в меланхолию.

Лишь кок, дама бальзаковского возраста, пухленькая хохотушка бодро суетилась между столом и примусом, не закрывая рта поднимая настроение. На меня она особо не реагировала, уделяя внимание кэпу. Тот звал ее дочкой, иногда хлопал по попе, а иногда сажал на колени. Все было ясно.

Что-то повлияло на меня: то ли тяжелый день и болтанка, то ли мрачный Каспий с колокольным звоном, то ли близость блондинки. Не знаю! Но стал я разговорчив, стал шутить и рассказывать анекдоты. Вызвал интерес в классово чуждой мне компании. Посидели хорошо. Я поблагодарил и распрощался. Напоследок попросив Кэпа и Катю заходить.

Ночь, опускаю койку. В люк постучали, я открыл. Катя, перешла порог и оглядела каюту.

– А у вас тут уютно, – сказала она, садясь на диван, – кругом ковры, лампы. Телевизор, вон, приемник, холодильник. Богато живете. Даже телефон есть! Не то, что мы.

– А кэп где? – спросил я.

– На буровой, дрыхнет уже. Ему много не надо.

Она протянула руку и щелкнула дверной задвижкой. Распахнула ресницы и блеснула всей синью глаз:

– Я Вас хочу!

– А кэп? – повторил я тупея.

– Не убудет, не бойсь.

Она подняла руки и начала расстегивать пуговицу на вороте моей рубашки. Вообще-то я не люблю дам с инициативой. И к мысли мне привыкнуть надо. Так сразу – без кайфа. Да и Ольга явится – остатки кудрей выдерет.

Но слово женщины – для меня закон. Я стал ее тоже раздевать.

– Вы такой умный, – говорила она, – ты такой красивый, такой чистый. Я унесу тебя...

Она опустила юбку, сняла с плеч платок. Я глянул, и сердце у меня исчезло.

Все ее горло пересекал широкий шрам. Он полностью охватывал шею, без разрывов. Был он широким и довольно свежим, кое-где еще не зажил – выглядывало красное мясо.

– А! – засмеялась она, увидев мои остекленевшие глаза, – это парень знакомый отрезал мне голову. Я парикмахершей работала в Красноводске, а он приревновал. Старательный такой, да только нож короткий.

Она хихикнула.

Мигом забыл я о сексе. Я поднял юбку и сам натянул ей через голову. Открыл дверь и показал на выход.

– Извини! – говорил я, мало что соображая, – я забыл, мне надо на мостик, в лаборатории семинар проводить, мы скоро уходим.

Она смотрела на меня грустно и с сожалением. Повернулась и стала подниматься по трапу.

Я не мог лечь и долго шагал взад-вперед по каюте. Иногда смотрел в иллюминатор. На берегу на куче плавника сидела Катя в позе Алёнушки. Светила луна. Тоска, смертная тоска окутывала нас.

Утром раздался скрип сходен, кэп поднял Катю на руки и понес к себе. На меня они не смотрели.

Мы же снялись с якоря, и вышли в море.

Далеко, однако, не ушли. Сплошной туман заставил лечь в дрейф.

Скоро раздался звон. Блям – пауза – блям – пауза – блям. Где-то во мгле шла и несла звон Плавающая Буровая. Звонила сама собой, без расчёта на отклик.

Оглавление

МОРСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ.....	1
Экспедиции МГУ	1
НИС МГУ	12
Радиометрические и радиохимические исследования на НИС МГУ	14
Чистое искусство	18
Романтик	18
Сухое купанье.....	18
Универсальное судно	18
Сухой закон	19
Должность женщины.....	20
Наши обязательства.....	22
Клевета и наговор.....	24
Дорогие гости.....	24
Замуровали!	25
Коммерческий детектив	29
Везде евреи.....	30
Трудности роста.....	32
Прыжок.....	33
Нужда.....	40
АЗОВСКОЕ МОРЕ	41
Кайф	41
Наши эксперименты.....	42
Все мели Дона	42
Подводная охота.....	42
В жизни всегда есть место подвигу.....	43
КАСПИЙ	43
Осетры и вороны	43
Штурман.....	43
Взятка.....	45
Рачья бухта	46
Кара-Богаз-Гол	46
Плавучая буровая.....	48